Зеркало зеркало

КАРА ДЕЛЕВИНЬ

РОУЭН КОУЛМАН

18+

Кара Делевинь

Зеркало, зеркало

«АСТ»
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Делевинь К.

Зеркало, зеркало / К. Делевинь — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-107602-3

Им по шестнадцать, жизнь их не балует, будущее туманно, и, кажется, весь мир против них. Они аутсайдеры, но их связывает дружба. И, конечно же, музыка. Ред, Лео, Роуз и Наоми играют в школьной рок-группе: увлеченно репетируют, выступают на сцене, мечтают о славе… Но когда Наоми находят в водах Темзы без сознания, мир переворачивается. Никто не знает, что произошло с ней. Никто не знает, что произойдет с ними.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107602-3

© Делевинь К., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 42

Кара Делевинь
Зеркало, зеркало

© Cara and Co Limited 2017
© С. Арестова, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

От автора

Переход из детства во взрослую жизнь – процесс крайне увлекательный. Хаос, безумие, гормоны, постоянные перемены, метания из крайности в крайность – вот что такое переходный возраст. Этот важный период, полный страстей и переживаний, формирует из нас тех взрослых, которыми нам суждено стать.

Многие скажут, что подростковые годы были лучшей порой в их жизни. Это и вправду очень безмятежное время, время радости и приключений. Но порой оно может казаться настоящей пыткой, особенно если ты не из тех, кто легко вписывается в компанию.

Социальные медиа прочно вошли в нашу жизнь, и быть подростком стало еще труднее, чем раньше, в особенности потому, что современным тинейджерам навязывают недосягаемые идеалы. Нас всех постоянно судят, даже не пытаясь разобраться, кто мы такие и что происходит у нас в жизни.

В «Зеркале, зеркале» я хотела как можно реалистичнее изобразить бурную, лихорадочную, полную виражей жизнь подростка и создать персонажей, с которыми каждый почувствует родство. Я хотела написать книгу о силе дружбы и озвучить в ней одну простую истину: окружая себя людьми, которых мы любим и которым доверяем, мы становимся сильнее.

А главное, я хотела показать читателю, что нет ничего страшного в том, чтобы не понимать, кто ты такой. Нет ничего страшного в том, чтобы отличаться от сверстников, ведь, каким бы ты ни был, ты и так безупречен. Главное – понять, что в этой жизни приносит тебе счастье, и слушаться своего сердца. Тогда все будет путем. Что бы ни случилось, оставайся самим собой. Найди свои сильные стороны и осознай, что тебе по плечу изменить мир.

С любовью,
Кара

Посвящается моим родным и друзьям, которые помогли мне пережить подростковый период.

А еще каждому, кто чувствует себя потерянным. Надеюсь, эта книга побудит тебя двигаться навстречу своим мечтам и поможет никогда не терять надежды.

Нет ничего невозможного.

Два месяца назад…

Светало. Цепляясь друг за друга, еле волоча ноги от усталости, мы плелись домой. Воздух быстро нагревался, растапливая утреннюю прохладу. Как сейчас помню, Роуз положила голову мне на плечо, а рукой обнимала за талию. Мы шли не в ногу, то и дело сталкиваясь бедрами, а ее теплая, мягкая щека касалась моей шеи.

Было уже почти пять. В лучах летнего солнца, золотых и пронзительных, грязные улицы сверкали, как отдраенные. Мы уже не раз видели этот рассвет, когда возвращались домой после долгих ночных гулянок, наслаждаясь каждой проведенной вместе секундой.

Все было прекрасно, нам казалось, что жизнь принадлежит нам, а мы – ей, и каждое мгновение приносит что-то новое, что-то значимое. По крайней мере, так было вплоть до той ночи.

В ту ночь все изменилось.

Глаза болели, во рту пересохло, сердце продолжало бешено колотиться. Мы не хотели расходиться по домам, но что еще оставалось делать? Больше некуда было идти.

– Почему именно сейчас? – сказала Роуз. – У нее все отлично складывалось, лучше некуда. Так почему же именно сейчас?

– Ну, ей не впервой, – сказал Лео. – Поэтому копы и не почешутся. Она ведь уже такое проворачивала: брала деньги, рюкзак с едой, гитару и исчезала на пару недель. Это в ее стиле.

– Но «Зеркало, зеркало» все изменило, – возразила Роуз. – С тех пор, как мы начали общаться, все стало по-другому, разве я не права? Это раньше она себя резала, сбегала из дома и страдала прочей херней, но вот появилась группа – и у нее все наладилось… как и у всех нас.

Она выжидающе на меня посмотрела. Конечно же, она была права: за последний год наша жизнь круто поменялась. До того, как мы сколотили группу, каждый из нас был по-своему потерян, но вместе мы стали сильными, непобедимыми и вообще просто офигенными. Нам казалось, что Наоми тоже счастлива, что ей больше не захочется убегать, – по крайней мере, так было до той ночи.

В ту ночь мы обошли весь город.

Мы проверили все места, где хоть раз бывали вместе с ней: и те, о которых знали наши родители, и те, о которых они даже не подозревали.

Мы заходили в душные ночные клубы, куда нас не должны были пускать, и продирались через толпы танцующих, от которых разило потом вперемежку с гормонами, всматриваясь в каждое мелькавшее мимо лицо.

Мы шмыгали по задворкам пабов, где можно раздобыть наркоты, и переговаривались вполголоса с дергаными подростками, чьи глаза давно превратились в тени. Они предлагали курнуть, но в ту ночь мы говорили им «нет».

Мы спускались в подвальные помещения, скрывавшиеся за безликими дверьми, куда пускают только «своих». Там все окутано дымом, потому что народ курит прямо внутри, а музыка долбит так сильно, что болят уши, вибрирует грудная клетка и сотрясается пол.

Мы проверили все эти места и множество других. Парк в местном микрорайоне муниципальной застройки, где мы тусуемся, когда нечего больше делать; набережную, на которую выходят окнами квартиры миллионеров; Воксхолльский мост, наш мост – мы так часто ходили по нему, перекрикивая шум машин, что он стал для нас родным, чем-то вроде друга и свидетеля.

Напоследок мы заглянули в пустую букмекерскую контору со сломанной дверью и матрасом на полу. Туда ходят ребята, которым хочется побыть в одиночестве, но я не из их числа, потому что одиночество не переношу.

Час за часом ночь истекала, но мы были уверены, что найдем ее, что она просто выкинула очередной трюк, потому что ей больно и хочется немного внимания. Мы не сомневались, что наша басистка и лучшая подруга Наоми окажется в таком месте, о котором знаем только мы, что она прячется там и ждет нашего прихода.

Ведь невозможно же просто взять и исчезнуть – бред какой-то! Никто не способен бесследно раствориться в воздухе. Так мы успокаивали себя в ту первую ночь и во все последующие, пока родители не настояли, чтобы мы прекратили поиски. Они сказали, что Наоми сама

вернется, когда будет готова. А затем и полиция перестала ее искать, ведь она часто убегала из дома.

Между тем нам казалось, что на этот раз все по-другому, потому что сама она стала другой, но копы с их скучающими физиономиями и пустыми блокнотами даже слушать нас не стали. Да что они вообще могут знать?

Мы еще долго искали ее после того, как остальные опустили руки.

Мы искали повсюду, но ее нигде не было.

И куда бы мы ни заглядывали, всюду нас ждала пустота.

1

Сегодня: жизнь продолжается, все так говорят.

Каждый день нужно вставать с постели, тащиться в школу, приходить домой, думать о долбаных экзаменах, которые уже, блин, не за горами; нужно «надеяться, молиться и верить» – вдалбливают нам в головы.

Жизнь продолжается, говорят нам, вот только ни фига она не продолжается, потому что, когда Наоми исчезла, кто-то поставил на паузу весь мир. Проходят дни, недели, месяцы, но на самом-то деле ничего не меняется. Создается ощущение, будто все мы набрали воздуха в легкие и на два месяца задержали дыхание.

Нам уже давно перестали говорить, что она вернется, когда будет готова. Ее старшая сестра Ашира ходит по школе с опущенной головой, закрывшись от всех на свете, а недавно в супермаркете мы видели ее родителей, которые бесцельно бродили по рядам и невидящими глазами смотрели на полки с продуктами. Пропала Най, а потерянными выглядят они.

Надо признать, раньше ей и правда ничего не стоило сбежать из дома ради того, чтоб ее все искали; раньше она без мелодрамы не могла. Но Наоми уже давно не откалывала ничего подобного, а кроме того, ни разу не пропадала так надолго. Ее родители места себе не находят от беспокойства, а Эш выглядит так, будто ждет, что на нее в любой момент обрушатся трагические новости, – Най бы им такого не пожелала. У нее всегда хватало проблем, но она очень любит родителей и сестру, а они очень любят ее. Их дом был для нас маяком; изголодавшись по любви, мы слетались туда, как мотыльки на пламя, потому что обитателям этого дома было друг на друга не наплевать.

Теперь понимаете? Наоми ни за что бы так не поступила, но никто этого не признаёт: ни полиция, ни даже ее мама, потому что легче думать, что дочь у тебя бессердечная стерва, чем считать ее пропавшей без вести.

Поэтому иногда мне хочется, чтобы нашелся труп.

Вот такая я сволочь. Иногда мне просто хочется, чтобы она умерла, – тогда я хотя бы буду знать, что с ней.

Но никакого трупа не нашли: она исчезла бесследно, и жизнь продолжается.

А это значит, что сегодня нам нужно провести прослушивание на место басиста.

В какой-то момент казалось, что без Наоми «Зеркало, зеркало» распадется. Когда мы с Роуз и Лео впервые пришли на репетицию после ее исчезновения, то всерьез задумались, не лучше ли нам все бросить, и даже вроде как сошлись на этом, но, вместо того чтобы разойтись по домам, так и остались стоять на месте. И тогда, не сговариваясь, мы поняли, что должны продолжать, ведь без группы у нас в жизни не останется ничего хорошего. И вообще, отказаться от нее – это все равно что бросить Наоми.

Именно Наоми создала группу – по крайней мере, превратила из отстойного школьного проекта в нечто стоящее. Именно благодаря Най каждый из нас раскрыл свой талант, потому что сама она была невероятно талантлива. Она была великолепной басисткой, просто легендарной – услышали бы вы, как она играет, вас бы дрожь пробрала, – но лучше всего у нее полу-

чалось писать тексты. У меня тоже неплохо выходит, и вместе мы кому угодно дадим фору, но Най, она особенная, в ее стихах свинцовая серость начинает сверкать и искриться. Пока мы ей не сказали, она и не подозревала, что у нее настоящий дар, и чем больше мы ей об этом говорили, тем лучше у нее получалось писать. Так вот, когда у тебя такой дар, тебе не нужно никуда убегать.

В тот день, когда группа едва не распалась, в разгар нашего спора в репетиционный зал вошел учитель музыки мистер Смит. В школе кроме нас почти никого не было – в летние каникулы учеников туда не пускают, но мистер Смит выхлопотал для нас разрешение и взялся в свой отпуск дежурить на репетициях. Обычно, пока мы играли и ссорились, он сидел в сторонке с газетой в руках, но на этот раз, войдя в зал, он стал ждать, когда мы замолкнем и обратим на него внимание. Меня поразила произошедшая в нем перемена. Бывают люди, которые заполняют собой всю комнату, и мистер Смит как раз из таких. Тут дело не в том, что он высокий и подтянутый, а просто такой у него характер: он любит жизнь, любит общаться с нами, своими учениками, и это большая редкость. Он умеет увлечь, привить интерес к учебе – есть в нем какая-то особенная энергия, которая не так-то часто встречается у взрослых людей. По ходу, мы ему и правда не по барабану.

Но в тот день он выглядел так, будто из него выкачали весь воздух, будто вся его энергия, весь задор куда-то подевались. Мне даже стало немного страшно, ведь он всегда был таким сильным, но в то же время уважения к нему у меня только прибавилось. Было видно, что он переживает за Най, и это очень много для меня значило, потому что, кроме нас и ее семьи, казалось, никому больше не было до нее дела.

Уж не знаю, что почувствовали остальные, но мне сразу захотелось как-нибудь помочь ему, потому что он всегда готов помочь нам.

– Вы что же, ребята, правда хотите разбежаться? – спросил он.

Мы переглянулись и на секунду будто перенеслись в то время, когда еще не подружились, когда каждый чувствовал себя одиноко и не в своей тарелке. Мне стало жутко от одной мысли о возвращении к старому порядку вещей.

– Без нее уже не то, – говорю.

– Понимаю, – сказал он, взъерошив свои светлые волосы. – Но послушайте меня: если вы сейчас разойдетесь, потом будете жалеть. Я очень горжусь вами и вашими успехами. Ради Наоми, ради себя самих не отказывайтесь вы от любимого занятия. От нас сейчас мало что зависит, это верно, но в наших силах сделать так, чтобы о ней не забывали, чтобы ее не прекращали искать. Я тут кое-что придумал: а не устроить ли нам прямо в школе благотворительный концерт? Вырученные деньги отдадим ее родителям, и они смогут возобновить поиски. Давайте добьемся, чтобы ее история была у всех на слуху, чтобы весь мир обратил на нас внимание и узнал, как сильно мы ее любим. Вот чего я хочу, ребята, но без вас ничего не выйдет. Ну что, согласны?

Конечно же, мы согласились.

Мы не знали, как еще ей помочь.

Все лето мы репетировали втроем, но выступление совсем скоро, и больше тянуть нельзя: надо уже наконец найти нового басиста.

Наоми была… да нет же… остается лучшим басистом из всех, с кем мне доводилось играть, хоть обычно девушки в таких вещах и не сильны. Это никакой не сексизм, а просто констатация факта. Чтобы по-настоящему хорошо играть на басу, нужно быть невидимкой, а девушки – ну, по крайней мере, обычные девушки – любят, когда на них смотрят.

Нечего киснуть, сегодня важный день! Я выползаю из постели и бросаю взгляд на гору мятой одежды на полу.

Везет же Лео. Он даже спросонья выглядит на все сто.

А стоит ему взять в руки гитару, и девушки начинают его просто боготворить. И как только ему удается в шестнадцать лет выглядеть таким взрослым и таким уверенным в себе? Можно подумать, он с самого рождения был высоким качком и разговаривал басом.

А вот по мне сразу видно, что я все никак не выйду из переходного возраста. Мне посчастливилось в нем застрять. Можно даже сказать, переходный возраст – это и есть я. Если бы для понятия «переходный возраст» существовал эмоджик, он был бы срисован с меня. Наверняка и в сорок пять, на закате жизни, я буду нескладным, неказистым подростком.

Мне хочется выглядеть круто, как Лео, но все, что так идет ему, – белые футболки, джинсы, толстовки с капюшоном, кроссовки с высоким берцем – на мне вовсе не смотрится. Чего уж, на мне любая одежда сидит по-дурацки, и единственное, что придает мне хоть немного крутости, – это мой крутой друг.

Роуз тоже выглядит потрясно, впрочем, она настоящая красавица, а таким и не нужно особо стараться. У нее каштановые волосы, осветленные от кончиков до середины, стройная фигура, отпадные буфера и аппетитная попка. Парни из «Темз Компрехенсив» сходят по ней с ума.

Но это еще не все: она вечно накладывает фигову тучу макияжа – может быть, как раз потому, что без него выглядит красивее, – колготки носит рваными, а на голове делает начес. У нее свой стиль, и уж она-то умеет себя подать: когда в комнату заходит Роуз, воздух начинает потрескивать электричеством, а вокруг нее вспыхивают миллионы маленьких фейерверков.

Другие девушки пытаются подражать ей, но у них ничего не выходит, потому что, в отличие от них, Роуз вообще не па́рит, что там о ней думают.

А когда она поет… трясутся стены, отвисают челюсти и каменеют стояки.

Все мы аутсайдеры, но больше всего общего у меня было… и есть… именно с Наоми. Лео с Роуз впору быть королем и королевой на выпускном балу, а мы с Най самые что ни на есть настоящие чудики.

Наоми с ее узким подбородком, широкими скулами и огромными теплыми карими глазами, спрятавшимися за очками в толстой оправе, всегда меня восхищала. Рубашки застегивает на все пуговицы, до самого подбородка, юбки носит в складку, самой причудливой длины, а туфли выбирает практичные, со шнуровкой и всегда натирает до блеска. Она любит сочетать несочетаемое, она у нас незаурядная, уж поверьте.

Бывало, мы с Наоми проводили большую перемену в библиотеке, в тишине и покое, за книжкой. А когда мимо проходил какой-нибудь девятиклассник, только и умевший, что кидать дешевые понты, мы переглядывались и усмехались, думая о том, как же нам повезло, что мы, две белые вороны, нашли друг друга и подружились.

А играла она не хуже – какое там, даже лучше – самых крутых басистов на свете. На концертах и репетициях она всегда стояла рядом с моей ударной установкой, и вместе мы были пульсом всей группы, ее выверенным грувом.

Я не утруждаю себя заботами о внешнем виде. Еще чего! Джинсы, рубашка в клетку, а под ней белая майка – вот и весь мой имидж. Дровосек-профи – так меня окрестила Роуз.

Насчет прически тоже заморачиваться не приходится, ведь большая часть волос у меня сбрита.

Морковка.

Рыжий лобок.

Ржавчина.

За все эти прозвища я могу сказать спасибо своим волосам, которые, кстати сказать, не просто рыжие, но еще и кудрявые. Господи, да такая башка просто напрашивается, чтобы ее приложили об стенку! Роуз постоянно твердит мне, что мои волосы будут выглядеть куда лучше, если над ними немного поколдовать. Ее так и тянет намазать их каким-нибудь средством и выпрямить, но меня подобные затеи не прельщают. А каждые три дня она предлагает

покрасить их в черный цвет, но я продолжаю стоять на своем: хайр у меня рыжий, пора бы уже с этим смириться.

К тому же самое прикольное во мне – это моя кличка, Ред, а будь у меня черные волосы, она бы мне уже не подходила.

За день до исчезновения Най меня посетила прекрасная идея: почему бы не избавиться от этой дурацкой гривы? И вот, не сказав никому ни слова, я отправляюсь в парикмахерскую и прошу, чтоб на затылке и по бокам головы все волосы сбрили, а сверху лишь немного укоротили, чтобы пряди спадали мне на глаза и бешено подпрыгивали, когда я буду отрываться за ударной установкой. Увидев, что произошло с моей головой, мама битый час на меня орала. Сказала, без шуток, что я как зэк из тюрьмы строгого режима.

Когда вернулся папа после очередного «заседания совета, растянувшегося на всю ночь», она наорала и на него за то, что он не стал орать на меня.

Разошлась почище, чем когда узнала про четыре дырки в моем ухе. Короче, с тех пор я скрываю от них всякие штуки, которые помогают мне быть собой: к чему мне лишние скандалы?

Мне давно стало ясно: нечего ждать, что родители спасут меня, позаботятся обо мне или там помогут. Их единственная цель в жизни – саморазрушение, а мы с Грейси, моей сестренкой, лишь случайные жертвы в их битве против себя самих. Странное дело, но стоило осознать это, и жить стало легче.

Трудно, конечно, не обращать внимания на то, что мать меня на дух не переносит, а папа наш – тот еще подонок, но я стараюсь, и вроде получается.

Текст песни группы «Зеркало, зеркало»

Где же она?
Она идет – и льется солнца свет,
В улыбке – притяжение.
Жизнь одна, но сожалений нет,
Пропала без предупреждения.
Где же она – та, кого я ищу?
Где же она – та, о ком я грущу?
Где же она? Мне ее не найти!
Но я не сдамся, нет, я не сдамся, пока…
Не сойдутся наши пути.

2

На прослушивании командует парадом Роуз. Уж она-то умеет поставить на место безмозглых кретинов, которые надеялись за неделю выучиться играть на басу.

– Бог мой, Тоби, как ты только не искромсал все струны? – говорит она очередной жертве. – Ты свою девушку тоже так ублажаешь?

– Извини, чувак, – разводит руками Лео. – Может, тебе попробовать… держаться от музыкальных инструментов подальше?

Вспыхнув, Тоби уходит, а я выглядываю в коридор посмотреть, сколько человек осталось в очереди. Да-да, там собралась самая настоящая очередь. Я больше не унылое говно, на которое никто не обращает внимания: теперь народ стоит в очереди, чтобы попасть на прослушивание в мою группу. Здорово, конечно, только совесть немного мучает. Это Най помогла нам собраться, это она лучше всех пишет тексты, это ее мотивы и слова привлекают внимание и западают в душу. Она сердце нашей группы, а все эти «умельцы» спят и видят, как бы ее заменить.

Но без группы я не могу. Я эгоистичная жопа и не хочу все бросать.

Кандидаты сменяют друг друга, и со своего безопасного места за ударной установкой я наблюдаю, как они играют и уходят, пока не остаются лишь двое.

Предпоследней в зал заходит девушка по имени Эмили. Симпатичная такая, уверенная в себе, сексуальная как раз настолько, чтобы можно было перед ней не робеть, а спокойно смотреть на нее не отрываясь, писать стихи о ее волосах и маяться всякой такой фигней.

Стоит ей только переступить порог, и становится ясно: Роуз ее не потерпит. Роуз и говорить ничего не нужно, все видно по ее гневно сверкающим глазам. В группе нет места двум горячим штучкам, а одна у нас уже есть.

Очень жаль, ведь у Эмили вообще-то здоровски получается. Она улавливает мой ритм и заполняет собой каждую паузу между ударами палочек. Выходит классно, интимно так. Я улыбаюсь и заглядываю в ее голубые глаза. Только за ударными я могу дать девушке понять, что она мне нравится, и мне потом не захочется повеситься. Эмили улыбается мне в ответ, и, прежде чем я успеваю опомниться, палочка выскальзывает у меня из руки и шлепается на пол.

– Прости, дорогая, – говорит Роуз, даже не взглянув на Эмили. – Сама видишь, ничего не клеится. Спасибо за энтузиазм.

Эмили спокойно пожимает плечами и перед уходом снова награждает меня улыбкой.

– А мне она понравилась, – говорю. – Можно мне ее оставить?

Роуз со всей силы бьет меня по плечу. Ну и удар у нее!

– Эй, полегче! – говорю я, морщась от боли.

– Это и было полегче. – Она возмущенно мотает головой. – Ред, задница ты такая, хорош слюни пускать! Мы устроили прослушивание не для того, чтоб у тебя была возможность цеплять шлюх.

– Эмили никакая не шлюха, – говорит Лео. – Мне она тоже понравилась.

– Какие ж вы бестолочи! Готовы волочиться с высунутыми языками за кем угодно, лишь бы сиськи были.

Мы с Лео переглядываемся, едва сдерживая улыбку.

– Разве не на этом основано твое господство в школе? – говорит он вполголоса, и Роуз дает ему подзатыльник.

Последний на очереди Лекрадж, никому не известный паренек из восьмого класса. Он чем-то напоминает меня в тринадцать лет: тоже понятия не имеет, как выжить в джунглях «Темз Компрехенсив». С гитарой наперевес Лекрадж кажется совсем крошечным, но уровень у него неплохой. Играет похуже, чем Эмили, а Наоми и в подметки не годится, но в целом сойдет, да и прослушивать больше некого.

– Короче, Лекрадж, давай пройдемся по басовой партии нашей песни «Мозги в жопе», а потом…

– Ребята, остановитесь на минутку.

Посреди зала стоит мистер Смит, прямой, как струна, неподвижный, будто его ударило током и приклеило к месту. Никогда прежде мне не доводилось видеть такого выражения лица, как у него сейчас: можно подумать, он только что прочел в газете, что наступает конец света. От страха у меня сжимается желудок. Случилось что-то плохое, вот точно.

Все молчат.

Все понятно и без слов.

Воздух затвердевает, прекращая течение времени, и застревает у меня в легких. Становится трудно дышать.

Мы знаем, какие новости он принес.

– Ее нашли? – шепчу я, хотя кажется, что слова доносятся с далекой планеты, которая находится за тысячу световых лет.

Он кивает, избегая смотреть нам в глаза.

– Она что?.. – Лео пристально смотрит на Смита, готовясь к худшему.

– Она… – мистер Смит беззвучно трясет головой. Наконец он поднимает глаза, и в них блестят слезы, а рот у него кривится, и лишь несколько секунд спустя до меня доходит…

…что он улыбается.

– Она жива, – говорит он.

3

Земля уходит из-под ног. На короткий миг у меня перед глазами всплывает ее лицо, я помню, как она выглядела в последнюю нашу встречу, как улыбалась, как искрились ее глаза. Я горы сверну, лишь бы сейчас быть с ней!

– Ну, и где же она? – выпаливает Роуз. – Нам надо повидаться с ней как можно скорее, сейчас же. Где она? Дома? Здесь? Она здесь?

– Она в больнице святого Фомы, – говорит мистер Смит.

– Вот же блин, – шепчет Роуз.

– В больнице? А что с ней такое? – спрашиваю я.

– Ее что, избили? – Лео едва шевелит губами. – Покажите мне этих уродов!

– Послушайте… – мистер Смит поднимает руки, выставив ладони перед собой, будто пытается угомонить шумный класс. – Понимаю, такое просто в голове не укладывается, поэтому я и хотел, чтобы вы обо всем узнали от меня. Сейчас мы вместе навестим ее – я связался с вашими родителями, они не против. В больнице узнаем подробности, но прежде мне нужно кое-что вам рассказать.

– Где она пропадала? – спрашивает Роуз, не давая ему закончить.

– Она объяснила, почему убежала? – говорит Лео тихим, полным ярости голосом.

– Что с ней такое случилось? – спрашиваю я снова. – Она сказала, что с ней случилось?

Мистер Смит плюхается на край разборной сцены и, сгорбив плечи, упирается взглядом в пол. Он подбирает слова, размышляет, как же объяснить нам, что произошло, хотя сам еще до конца не разобрался в этом. По ходу, он старается от чего-то нас оградить. Значит, дело плохо.

– С ней… накануне с ней случилось несчастье. Ее нашли на причале у Вестминстерского моста. Она плавала в пучке из тросов – тех, что используют для швартовки туристических пароходов. Она была без сознания, едва дышала, хорошо еще, что запуталась в этих тросах, иначе погрузилась бы под воду с головой… но она сильно пострадала, черепно-мозговая травма… пока неизвестно, насколько серьезная.

– И что это значит? – Роуз делает два шага Смиту навстречу, так резко, что кажется, будто сейчас она ему врежет. Он медленно поворачивается к ней и произносит, не сводя глаз с ее лица:

– Это значит, велика вероятность, что она не выживет.

Эйфорию мгновенно сменяет отчаяние. Перед глазами снова встает ее лицо, и я недоумеваю, как такое возможно: обрести друга и тут же его потерять?

В десятилетнем возрасте мне так часто случалось попадать в больницу, что нашей семьей заинтересовалась соцслужба. Первая моя травма, перелом запястья, случилась во время игры с соседским щенком: он такой прыгает на меня, а я, значит, отшатываюсь назад, падаю и шмякаюсь рукой о цветочный горшок. Щелк! – от одного звука меня тут же вырвало. Вторая травма, перелом лодыжки, произошла, когда мы с ребятами гоняли мяч и Кевин Монк решил сделать подкат. Боль была адская! А когда лодыжка зажила, какой-то черт меня дернул на спор полезть на дерево. Результат: парочка помятых ребер и выигранное пари.

Если по-честному, мне нравились поездки в больницу, нравилось сидеть в приемном отделении и ждать врача, потому что со мной всегда были родители и можно было не сомневаться, что на ближайшие несколько часов их внимание будет сосредоточено исключительно на мне. И пусть папе приходилось пропускать важные встречи, а мама, беременная, уставшая, предпочла бы местечко поудобнее, но, пока мы находились в больнице, они целиком принадлежали мне. Они не отмахивались от меня, а, наоборот, внимательно слушали. Мы болтали и смеялись, мне давали поиграть в телефон. После падения с дерева меня оставили в больнице на ночь – проверить, нет ли сотрясения мозга. Тогда мама взяла нам телик напрокат и всю ночь просидела у моей постели. Помню, она держала меня за руку, а на ее округлившемся животе возвышалась гигантская пачка «Доритос».

Потом к нам домой пожаловала соцработница. Мы беседовали за кухонным столом, а мама сидела на краешке стула и нервно грызла ногти. Мне было невдомек, чего это она так распереживалась, и ужасно хотелось ее успокоить. Соцработница велела очень подробно, одно за другим, описать все три происшествия: собака, футбол, дерево – затем повторить рассказ, а потом еще раз, уже без мамы, и только тогда она поверила, что все в порядке, и наконец ушла.

– Что ты у меня за ребенок такой? – сказала мама, положив ладонь мне на голову и пробежав пальцами по волосам. – Прямо сорвиголова.

Потом она приготовила горячий шоколад с маршмеллоу, и мне оставалось только прихлебывать из кружки и молча удивляться, как же мне удалось урвать столько материнской любви.

В последний раз мне довелось побывать в нашей местной больнице, когда родилась Грейси. Попетляв по лабиринтам коридоров, мы с папой оказались в полной занавесок палате, где на краю каталки сидела мама, а на руках у нее орала что было мочи моя малюсенькая пунцовая сестренка. Когда мне особенно грустно, я вспоминаю тот день, как мы тогда сгрудились у кровати – счастливая семья, как пахли у Грейси волосы, как улыбался папа, какой радостной, хоть и утомленной, выглядела мама. Я всегда вспоминаю именно тот день, потому что больше мы уже никогда не чувствовали себя одной семьей.

Теперь мы друг другу чужие.

Пока мистер Смит ведет нас по длинным коридорам с блестящими полами, передо мной пролетают кадры из прошлого, как будто на меня надели низкопробные очки виртуальной реальности. От резкого больничного запаха першит в горле. Тишина лифта, скрип резиновой обуви по гладкому полу, мерцающий искусственный свет.

И вот перед нами палата, и мы знаем, что внутри находится наша подруга и, возможно, она умирает.

У входа в палату, обнявшись, уткнувшись носами друг другу в плечи, стоят родители Най. Ее мама обеими руками вцепилась в рубашку ее папы, будто без него боится утонуть.

– Миссис Демир? – Роуз идет им навстречу, оставляя мистера Смита стоять у лифта. Обычно мы зовем Наоминых родителей Макс и Джеки, но сегодня обращаться к ним по именам было бы как-то неправильно.

Заметив Роуз, мама Наоми притягивает ее к себе. Лео обхватывает руками всех троих, и я тоже тянусь к ним, ведь Макс и Джеки всегда, в любое время, были рады видеть нас в своем доме, и там мы никогда не чувствовали себя лишними.

На секунду я растворяюсь в этом темном, жарком объятии, зажмурившись, чтобы не расплакаться и не выдать своего мандража. Затем мы отпускаем друг друга, распадаемся, и вот я снова стою в коридоре, щурясь в свете люминесцентных ламп.

– Как она? – спрашивает мистер Смит, стоявший все это время в стороне.

Джеки качает головой, а Макс поворачивается к окну с опущенными жалюзи, сквозь которые виднеется фигура, неподвижно лежащая на больничной кровати. Мы привыкли видеть Макса радостным: вечно хохочет, пузо трясется, темные глаза поблескивают, наготове очередная чудовищно несмешная шутка – а теперь он весь какой-то слабый и сдувшийся, со впалыми щеками, аж смотреть больно.

Вроде как нужно подойти к нему, но у меня подкашиваются колени. Стремно приближаться к выходящему в палату окну.

Травма головы – что это вообще означает? Может, у нее деформировалось лицо? Может, она лежит там вся в крови? Когда мы с Най тусовались вдвоем, мы, бывало, смотрели самые страшные ужастики, которые только могли найти на «Нетфликсе»: про мстительных демонов ну или там маньяков с бензопилой – чем больше кровищи, тем лучше. Но это реальная жизнь, и она, сука, страшнее любого фильма.

Я стараюсь не отрывать взгляда от Джеки. Волосы у нее светлые, цвета банана, с отросшими темными корнями, руки длинные и худые, ноги тощие, в джинсах в облипку. Она одевается как подросток, и Най это всегда ужасно раздражало. Моя мама считает Джеки отребьем – впрочем, она и обо мне так думает.

– Вам удалось поговорить с ней? – Роуз держит Джеки за руку. – Она приходила в сознание?

– Макс, – шепчет Джеки. Покачав головой, он окликает проходящую мимо женщину в белом халате:

– Доктор?

Та останавливается и хмуро оглядывает нас.

– Это друзья нашей дочери… вообще-то, они нам как родные. Не могли бы вы ввести их в курс дела? Мне бы тоже не помешало еще раз послушать.

Докторша раздраженно поджимает губы, но все же подходит поближе и, скрестив руки на груди, приступает к объяснению:

– Наоми нашел экипаж буксирного корабля. Она запуталась в швартовых тросах на Темзе…

– Всего в паре минут от дома. – Роуз поднимает глаза на Лео. – Она уже почти добралась домой. Она что, упала?

– Неясно, как именно она попала в воду, но надо полагать, что тросы спасли ее от гибели: она получила серьезную черепно-мозговую травму и была без сознания. Ночь Наоми провела в холодной воде, но это только сыграло нам на руку. Сейчас мы согреваем ее, очень медленно, держим в медикаментозной коме и обследуем, чтобы исключить развитие кровоизлияния и отека мозга. Завтра у нас будет больше информации.

Мне кажется, вот-вот я осознаю, что все это взаправду, но прозрение так и не наступает, и меня не покидает ощущение, что мы попали в сон.

– Ну да, плохо дело и все такое, но она же поправится? Она же поправится, правда? – в голосе Лео звучит ярость. Докторша тянет с ответом – может, не хочет говорить как есть, чтобы не разозлить бугая ростом в шесть футов. Иногда Лео выглядит реально грозно.

– Мы не знаем… – медленно говорит она. – Повезло, что девочка вообще осталась в живых, потому что от удара такой силы можно умереть на месте. Она настоящий боец, иначе ее бы здесь не было. Ей оказывают всю необходимую медицинскую помощь.

– А можно нам к ней? – говорит Роуз. – Пожалуйста! Я очень хочу ее увидеть.

Докторша вопросительно смотрит на Макса, и тот кивает.

Затем она обводит взглядом наши лица. Я надеюсь услышать отказ.

– Так и быть. По одному и не дольше трех минут.

– Нам, наверное, надо с ней разговаривать? – спрашивает Роуз, когда Макс открывает перед ней дверь. – Ну, чтобы она проснулась. По телику говорят, что люди в коме слышат, когда с ними разговаривают.

– Да, но это медикаментозная кома, – говорит докторша.

– В смысле? – Роуз непонимающе сдвигает брови.

– Мы ввели Наоми седативные препараты и интубировали ее, чтобы дать организму возможность восстановиться после всего, что произошло. Разговорами ее не разбудишь, но есть вероятность, что она вас услышит, так что… почему бы и нет? – на лице докторши появляется сдержанная улыбка. Расправив плечи, Роуз входит в палату и тихонько прикрывает за собой дверь.

– Нам надо сделать пару звонков. Вы держитесь, ребята, ладно? – говорит Джеки ласково. Тушь у нее забилась в морщинки вокруг глаз и размазалась по лицу. Я киваю.

– А вы сами-то как, де́ржитесь?

– Ох, Ред, – она пытается улыбнуться, и на глазах у нее выступают слезы. – Честно? Я не знаю.

Пока мы с Лео стоим и ждем, мистер Смит покидает свой пост у лифта, подходит к окошку в палате Най и заглядывает в отверстие между створками жалюзи. Полуденное солнце оставляет на его лице яркие полосы. Я по-прежнему не могу заставить себя посмотреть на Най, поэтому останавливаю взгляд на знакомых чертах его лица.

– Она очень плохо выглядит? – спрашиваю я.

– Ред, ты же знаешь, что я никогда не вру ученикам? – говорит он.

Я молча киваю.

– Она выглядит плохо. – Он указывает глазами на что-то по ту сторону стекла. – Кажется… кажется, Роуз нуждается в твоей поддержке.

Пересилив страх, я заглядываю в окно: Роуз стоит посреди комнаты с прижатыми к лицу ладонями и круглыми от ужаса глазами, ее так трясет, что даже отсюда видно, но она все смотрит и смотрит на больничную кровать. Я мигом бросаюсь в палату, хватаю ее за руку и тяну к двери.

– Нет, нет, нет… – она сопротивляется и высвобождает руку. – Нет! Нельзя оставлять ее тут одну. Я не оставлю ее. Посмотри на нее, Ред! Разве ей сейчас можно быть одной?

– Роуз, пошли, – говорю я. – Истериками ей уж точно не поможешь.

– Посмотри на нее! – требует Роуз.

Я смотрю на опухшее лилово-серое лицо, которое помню совсем другим, и не могу оторвать от него глаз. Просто не верится, что передо мной Наоми. Голова у нее забинтована, из-под повязки не выбилось ни одной длинной темной пряди. От уха по диагонали тянется еще один бинт, а сквозь него проступают капли крови. Свободные участки кожи расцвечены синяками; один глаз весь заплыл, а другой перевязан – я помню их карими и влажными, но теперь они будто спрятались навсегда. Вокруг кровати куча оборудования, а изо рта у нее торчит толстая неудобная трубка, из-за которой кажется, что на ее губах застыл немой крик. Она сама похожа на человекоподобную машину, отрастившую себе провода. Теперь я понимаю, почему Роуз хочется закинуть голову назад и вопить. Зрелище – хуже не придумаешь.

– Пойдем, – говорю я, увлекая ее за собой. – Нечего расклеиваться. Надо быть сильными.

Несколько рывков – и мне удается увести Роуз из палаты. Я крепко обнимаю ее и закрываю за нами дверь.

– Ну как она? – спрашивает Лео, но нам и говорить ничего не нужно. – Когда я узнаю, кто с ней так… – его руки сжимаются в кулаки.

– А может, это она сама? – Ашира, сводная сестра Наоми, словно появилась из ниоткуда.

– Эш! – Роуз вешается ей на шею. На пару секунд Ашира замирает на месте, а Роуз, всхлипывая, зарывается лицом в ее толстовку. Эш, как всегда, держится очень сдержанно и спокойно.

– Ты же не думаешь… в смысле, она б не стала себя калечить, – говорю я. – У Най все было зашибись, да она прямо лопалась от счастья! Раньше она сбегала, потому что ее в школе травили, но все ведь изменилось, у нее появилась группа, у нее появились мы, и никто над ней больше не издевался. Бессмыслица какая-то.

– Пожалуй. – Эш поднимает глаза, и я с удивлением замечаю, до чего же сильно они с Най похожи: тот же прямой длинный нос, те же широкие скулы, те же глянцевитые черные волосы с рубиновым отливом. В отличие от Наоми, Эш не пользуется косметикой и не выпрямляет волосы. Это Най вечно подыскивает сумасшедшие прикиды, а Эш каждый день носит примерно одно и то же: армейские брюки, футболку и кепку – какая бы ни стояла погода. Внешний мир ее нисколько не заботит, и мне всегда это в ней нравилось. Но теперь ее младшая сестра лежит в реанимации, и отгородиться от действительности уже не получится. По ходу, ей очень больно. – В этой ситуации вообще нет логики. Куда подевались папа и Джеки?

– Они кому-то звонят, – говорю я, подходя ближе. – Эш, ну ты как?

Она отходит назад.

– Ну… – пожимает плечами. – Ладно, увидимся.

– Просто пиздец, – тихо говорит Лео. – Я о том, что с ней произошло. Не должно было все так кончиться. Ее обычные выходки никогда не привели бы к такому. Что-то тут неладно. Я нипочем не поверю, что она пыталась наложить на себя руки.

– Так вот как все думают? – спрашиваю я у мистера Смита в надежде, что он-то все разъяснит, поможет отделить правду от вымысла. Но он выглядит таким же растерянным, как и все мы. – Люди думают, что она пыталась совершить самоубийство?

– Не знаю, – он разводит руками. – К сожалению, я ничего не знаю. С полицией я не разговаривал – только с родителями Наоми, но, наверное, есть вероятность, что она…

– Нет, – я упрямо мотаю головой. – Это все фигня полная.

– Най боялась воды, – говорит Роуз. – Она даже уроки по плаванию пропускала, всегда говорила, что у нее месячные. Будь ей настолько плохо, что она готова была утопиться, мы бы заметили. Мы бы ей помогли.

Тут она резко смолкает, отворачивается и прижимается к Лео, а он сжимает ее в объятиях.

– Мне казалось, найдем ее, и все сразу наладится, – говорю я. – Но я даже не знаю, что делать. – Мистер Смит кладет руку мне на плечо, и я прикасаюсь к ней щекой.

– Я даже не знаю, что делать, – повторяю я, ища утешения в его взгляде. Мне хочется услышать от него, что бояться нечего, ему я поверю.

– Ладно, ребята, вам сегодня пришлось нелегко. Давайте я отвезу вас домой, к родителям. Семье Наоми нужно привыкнуть к новым обстоятельствам, не будем на них наседать.

– Я лучше прогуляюсь, – тут же говорит Лео.

– Я тоже. – Я оглядываюсь на Роуз, а она, склонив голову на бок, обращается к мистеру Смиту:

– А сами вы как, ничего?

– Я? Да все нормально. – Его утомленная улыбка успокаивает. – Послушайте, Наоми – настоящий боец, даже доктор так считает. Все образуется, вот увидите.

Мы уходим, а он остается на месте, продолжая наблюдать за Наоми сквозь жалюзи.

Штука в том, что мистер Смит не просто хороший учитель: только он один из всех окружающих меня взрослых ни разу в жизни меня не подводил. Многие в «Темз Компрехенсив» скажут о нем то же самое. Он никогда не врет нам и все такое, обращается с нами как с людьми, а не как со скотом. С таким учителем можно поговорить о чем угодно – он обязательно выслушает и постарается помочь. Вот мне он помог, когда дома все разладилось: объяснил, что надо оставаться собой, что в этом нет ничего плохого, что мне необязательно жить так, как живут мои родители. Он хороший человек, добрый.

– Мама и папа Наоми еще не вернулись, – говорю. – Нельзя оставлять ее одну.

– Идите, – говорит он. – Я за ней присмотрю.

Тогда Роуз подхватывает нас с Лео под руки и ведет к выходу.

– Ребят, это жопа, – говорит она, когда двери лифта закрываются. – Вот в нее и предлагаю надраться.

Год назад…

– Минуту внимания! – мистер Смит старался перекричать стоявший в классе галдеж. Был первый учебный день после летних каникул, и все вокруг что-то обсуждали: кто чем занимался, кто с кем встречался, кто кого трахнул.

Роуз – тогда мы были друг другу чужие, и она представлялась мне прекрасным мифическим созданием, которым можно любоваться только издалека, – сидела на парте в углу, а вокруг нее собралась целая толпа. По меньшей мере половина класса смотрела не на Смита, а на нее, с упоением слушая историю, которую Роуз иллюстрировала размашистыми жестами.

Не следили за ее рассказом только я, Наоми Демир и Лео: мне и так неплохо сиделось за последней партой, где никто меня не видел; Наоми, одетая так, будто сошла со страниц манги, нетерпеливо постукивала ручкой по парте; Лео трепался по телефону.

– ПОСЛУШАЙТЕ! – заорал Смит, и в классе стало малость потише. – Мне не хочется вас наказывать, но, если не рассядетесь по местам, я это сделаю. Уяснили?

Его слова были встречены стонами, вздохами и закатыванием глаз. Роуз только рассмеялась и, оставшись сидеть на парте, положила ногу на ногу и стала ритмично постукивать ботинком о ножку парты: бум, бум, бум.

Но мистер Смит поступил хитро. Он не попытался ее приструнить, как это сделал бы любой другой учитель, а просто перестал обращать на нее внимание. Ее самоуверенность слегка сдулась, и этого оказалось достаточно, чтоб остальные успокоились и заняли свои места. Мне понравился этот трюк, в мыслях промелькнуло: «Вот видишь, если долго не обращать внимания на того, кто тебе симпатичен, в конце концов человек в тебя влюбится».

Ну как можно быть таким ничтожеством?

Так вот, мистер Смит объявил, что разделит нас на команды – типа музыкальные группы, – а мы должны будем написать и исполнить вместе три песни. Пока он называл имя за именем, во мне нарастала экзистенциальная тревога. Видите ли, в чем дело: тогда никто со мной не общался, и такое положение вещей меня вполне себе устраивало.

Меня не гнобили, вы не подумайте. И все же это сейчас я в хорошей форме и играю в рок-группе, а год назад на меня без слез и взглянуть нельзя было – кожа да кости. Впрочем, сказать по правде, никто на меня и не смотрел. А меня это и не заботило. У меня было одно желание: спрятаться в собственной шкуре и превратиться в невидимку. Для безопасности. Не хотелось мне играть ни в какой группе и ни в чем участвовать – командная деятельность, причем любая, была мне ненавистна. К тому же было совершенно очевидно, что никто не захочет иметь со мной дело.

У меня на глазах весь класс делили на группы из трех-четырех человек и отправляли в какой-нибудь кабинет или коридор, чтоб они обсудили свои предпочтения и попробовали что-нибудь сыграть. Наблюдать за этим процессом и ждать своей очереди было сущим кошмаром!

– Ред, Наоми, Лео и… Роуз, – сказал мистер Смит, кивая каждому из нас.

Мне очень хотелось, чтоб этот урок оказался всего-навсего сном. Долгим, запутанным сном, который закончится за пару секунд до того, как блузка Роуз уступит моим пальцам, в лучшей традиции всех моих снов.

– Какого хера! – чуть ли не взревел Лео, тут же вернув меня к действительности.

– В чем дело, Лео? – в голосе мистера Смита не было ни сарказма, ни раздражения. Лео застыл у окна с мобильником в руке.

– А хули я должен что-то делать с этими дрочилами? Что за дерьмо!

– Ну почему же сразу дерьмо? – поинтересовался мистер Смит.

– Я вообще не хочу тут находиться. – Лео пересек кабинет и подошел к мистеру Смиту вплотную. Одинаково высокие, они стояли нос к носу и смотрели друг другу в глаза. Если б дело дошло до драки, даже не знаю, кто бы из них победил. – Клал я на вашу школу.

– Так уходи, – сказал Смит, расправив плечи. – Вперед. Прогуливай. Тогда к твоей маме наведается полиция – снова, и на этот раз тебя, скорее всего, исключат. В качестве последней попытки вернуть тебя на путь истинный тебя отправят в школу для учащихся с поведенческими нарушениями, но ты и на это дерьмо забивать будешь, а там – оглянуться не успеешь, будешь мотать срок, как брат. Отличный план. Можешь приступать к исполнению.

В классе настала гробовая тишина. Лео чуть ли не светился от ярости; казалось, гнев пробегал по его телу, как электрический ток, который мог в любой момент поразить кого-нибудь из нас. Нам уже доводилось видеть этот гнев в действии, когда Лео одним ударом сбил учителя с ног. Школу он в тот день покидал в сопровождении полицейских. Но мистер Смит его не испугался: и глазом не моргнул.

– Ты думаешь, я тебя ненавижу, но это не так. Я слышал, как ты играешь. Ты, Лео, талантливее всех, кого я когда-либо учил, у тебя настоящий дар, а ты его готов на помойку выкинуть. Ты себя не ценишь и сам себе мешаешь.

– Не надо наставлений, – прорычал Лео. – Я сам все знаю.

– Отлично, – сказал мистер Смит. – Так что, уходишь?

Несколько секунд Лео стоял неподвижно, а затем гордо прошествовал к выходу и распахнул дверь.

– Ну вы идете или как? – сказал он, оборачиваясь к нам с Наоми и Роуз.

Сказать по правде, мне было слишком стремно ему возражать.

Вслед за ним мы вышли в коридор и направились к одному из репетиционных залов. Наоми, которая за все три года ни разу со мной не заговорила, шепнула мне на ухо:

– Святые угодники! Когда он устроит в школе стрельбу, первыми сдохнем именно мы.

Так и началась наша с ней дружба.

На той первой репетиции мы забацали AC/DC.

– Что будем играть? – спросил Лео. – Что тут знают все?

Он взглянул на меня так сурово, что прямо сердце упало в желудок.

– Ты! Что ты умеешь играть?

Выражение его лица говорило о том, что я, по его мнению, вообще ничего не умею. На секунду все песни и правда вылетели из головы.

– Может, начнем с AC/DC? «You Shook Me All Night Long»[1]. – Этот хит, по моему представлению, должны были знать все.

Он угрюмо посмотрел на Наоми, а та вместо ответа начала подбирать аккорды. Роуз пожала плечами:

– Не совсем в моем вкусе, но я готова попробовать.

– Как вам такое? – Лео вдарил по струнам, громко, бесстыже, грубо – мне сразу понравилось.

– Неплохо, – сказала Роуз как можно небрежнее.

Мы с Най переглянулись. Мне нравилось, что она не из болтливых. Палочки заплясали у меня в руках, ловко отбивая ритм, а она принялась строить басовую партию.

– Три, четыре… – отсчитывала она, кивая головой.

В тот первый раз… все было волшебно – как первая поездка на американских горках, как первый поцелуй, аж мурашки по коже. Все было идеально, прямо как в моих фантазиях. Мы с Най за всю жизнь и словом не перекинулись, а теперь вот нашли общий язык. Вместе мы дополнили гитарную партию Лео, и все звуки в комнате слились в знакомую нам композицию.

Роуз – голова опущена, волосы упали на лицо – вступила, когда пошел припев, и мы все уставились на нее, пораженные красотой ее голоса, глубокого и хриплого, как будто она выкуривала по пачке в день. Этот голос пробил брешь в моей груди. Она показалась мне еще прекраснее, чем прежде.

Роуз пела и смеялась. Слов она не помнила, поэтому придумывала на ходу. Подняв голову, она взяла микрофон и улыбнулась Наоми.

«Любила аниме,
С хвостом ходила везде,
От идиотов ты держалась в стороне».

Наоми тоже заулыбалась, и Роуз повернулась к Лео.

«Высок и мускулист,
Секси-гитарист,
Ты стал бы рок-звездой, но мозг твой травкой забит».

[1] «Ты не давала мне спать всю ночь напролет». (Здесь и далее примеч. перев.)

О боже, как же мне хотелось, чтоб она и обо мне сочинила пару строчек, и в то же время совсем не хотелось. Когда она взглянула на меня, пришлось предельно сконцентрироваться, чтоб не сбиться с ритма.

«На барабанах Ред!
Скажите: «Ред, привет!»,
Ходит как зомби, повидавший тот свет».

Ладно, пусть слова «секси» не прозвучало, зато и коротышкой она меня не назвала и про рыжие волосы ничего не сказала, так что для меня этот отрывок был все равно что признание в любви.

Мы жгли. Лео выплескивал наружу всю свою ярость, превращая воздух в ритм, а мы с Най, продираясь к самому сердцу песни, следовали за ним. Из колонок доносился голос Роуз, мощный и чувственный, и все вышло так здоровски, что, как только песня закончилась, мы, не сговариваясь, тут же начали снова. Получилось еще круче. Когда мы закончили, изможденные и взмокшие от пота, то увидели, что дверь в зал открыта, а на пороге столпилось человек двадцать. Раздались аплодисменты и одобрительные возгласы.

– Пиздуйте отсюда! – крикнул им Лео, а затем повернулся ко мне и улыбнулся. – Слушай, у нас будет офигенная группа!

Впервые в жизни у меня появилось чувство, что я чего-то да стою.

4

Больница осталась далеко позади. Ранний вечер заключает город в свои объятия, а мы направляемся к парку, в котором играли еще детьми, – понятное дело, по отдельности. После уроков тут гуляют школьники, но они уже давно разошлись; парк опустел. Мы залезаем под горку и некоторое время сидим там в дружеском молчании. Нам и не нужно разговаривать, достаточно просто быть вместе. За прошедший год в жизни каждого из нас появился смысл, а точнее мы сами стали смыслом жизни друг для друга.

По отдельности мы вязли в хаосе, бесцельно неслись неведомо куда, нетерпеливо ожидая, когда же закончится этот отрезок нашей жизни и мы наконец сможем жить по-настоящему, быть свободными. А потом появилось «Зеркало, зеркало» – название придумала Роуз, потому что, по ее словам, вместе мы всех, сука, прекрасней в этой стране.

Между нами завязалась дружба, вчетвером мы стали сильнее, но, по ходу, все было не так гладко, иначе Наоми не отдалилась бы от нас, иначе мы бы ее не упустили. Мы никогда не обсуждали, что же могло привести к такому исходу. О таком и не поговоришь.

Наоми – наша лучшая подруга, но мы так и не знаем, почему она убежала из дома и что подтолкнуло ее к… нет, никакие силы не заставили бы ее спрыгнуть с моста в темную воду и воплотить в действительность свой худший кошмар.

Короче, мы сидим и молчим. Расходиться по домам никому не хочется, и у каждого есть на то свои причины. Моя причина, наверное, уже на третьем бокале водки с колой, пока папа изменяет ей с очередной телкой.

Первым молчание нарушает Лео.

– Ну на фиг, давайте чем-нибудь займемся, – говорит он.

– А мы, по-твоему, ничем не занимаемся? – Роуз откидывает голову назад, прислоняясь затылком к металлической балке, исписанной именами и матерными словами. – Мы растрачиваем свою молодость в парке, как все нормальные тинейджеры.

– Да я не это имел в виду, – говорит Лео. – Хочется чего-нибудь поинтереснее. Может, по паре колес и в клуб? Оторвемся по полной, ты ж сама этого хотела.

– У тебя они есть, колеса-то? – зевает Роуз. – Давайте закинемся прямо тут.

– Что, в понедельник?

Не надо было говорить это вслух! И кто тянул меня за язык? Ну, хотя бы удалось ее рассмешить.

– Господи, Ред, ну ты и зануда, – говорит она, с каждым словом улыбаясь все шире. – А чего бы захотела Наоми? Она в больнице, борется за свою жизнь, а мы тут сидим, блин, как полные дураки. Чем бы она посоветовала нам заняться?

– Най бы фильм посмотрела, записалась в книжный клуб там ну и все такое, – говорит Лео, поморщившись. – Или включила бы какое-нибудь реально мрачное аниме, она эту фигню обожает.

– Точно, давайте посмотрим аниме. – Ухватившись за возможность провести вечер без алкоголя и наркоты, я тащу их к себе домой на марафон «Темного дворецкого». Я не из тех, кто в жизни не притронется к подобным штукам, просто мне слишком уж хорошо знакомы последствия их употребления.

К тому же мы с Наоми и правда обожаем «Темного дворецкого» с его викторианской готикой, японской мрачностью и андрогинными персонажами. Мы собирались косплеить главных героев на следующей «Комик-кон», а Лео с Роуз так об этом и не сказали – конечно, они не стали бы думать о нас хуже, но дразнить бы не прекратили до скончания веков. Мы детально проработали костюмы и даже купили мне парик в Кэмдене, а потом… мир перевернулся.

Мы развалились на кровати в моей комнате.

Летом, когда Най пропала, у меня появилось непреодолимое желание выкрасить стены в черный цвет. Увидев, что стало с комнатой, мама закатила глаза и сказала:

– Я опускаю руки.

– Ты давно опустила руки, – получила она в ответ.

Мне нравится жить в черной комнате, тут безопасно, как в норке. Но самое большое достоинство этой комнаты в том, что она вмещает мою драгоценную, ненаглядную ударную установку, которая занимает чуть ли не половину всего пространства. Ушло два года, чтобы на нее накопить. Мама была не против, но лишь потому, что считала мое увлечение временным и думала, что к тому моменту, когда у меня появятся деньги, я уже перегорю. Как же она ошибалась! Пришлось мыть машины, выгуливать собак и раскладывать товары по полкам в магазинах, а когда нужная сумма накопилась, она уже не могла взять свое обещание обратно. С тех пор установка стоит в углу комнаты и маняще поблескивает, словно призывая меня перебудить полквартала. Вот только играть приходится с накладками для шумоизоляции.

Так вот, Лео с Роуз расположились у меня на кровати: он сонный, сидит с полуприкрытыми глазами, за сюжетом не следит; она обнимает меня за шею, прислонившись щекой к моему плечу. От нее пахнет лимоном и сигаретами, и это довольно странно, потому что она вообще-то не курит – слишком голосом дорожит.

Не стоило приглашать сюда друзей. В последние несколько месяцев мама ушла в самый что ни на есть настоящий запой – ну как можно было о таком забыть? Ей есть от чего расстраиваться, ведь папа уже даже не пытается скрывать от нее свои интрижки, но во всех проблемах она почему-то винит меня. Мы с ней теперь встречаемся настолько редко, что мое сознание, по ходу, заблокировало информацию о том, что она тоже здесь живет. Стоило ей завидеть Роуз и Лео, как она принялась строить из себя идеальную мать: нацепила безумную улыбочку, стала предлагать нам попить и перекусить. «Могу поставить пиццу в духовку или вам попкорна хочется?» Вот на фига все это? Волосы в пучок затянула, фартук повязала, как ведущая кулинарной передачи, а сама шатается, размахивает руками и гогочет на весь дом, а рядом сидит Грейси, ест наггетсы и смотрит уже десятую серию «Скуби-Ду». Когда мы уйдем, мама рухнет в кресло и осушит еще один бокал, Велма разоблачит злодея, а Грейси так и будет жевать.

Пальцы Роуз, пухленькие, унизанные серебряными кольцами, с обгрызенными ногтями, переплетаются с моими. Мне тепло и хочется спать, по обеим сторонам мои лучшие друзья. Лео заметил, что Роуз взяла меня за руку. Это видно по его недовольно поджатым губам.

Раздается стук. В дверь просовывается папина голова. Обычно он сюда не заходит, разве что ему что-нибудь от меня нужно.

– Как дела, детишки? – говорит он. – Я слышал про Наоми, как она?

– Пока неизвестно, – отвечаю я. – Чудо, что осталась в живых.

– Да, конечно… – папа медлит на пороге. – А что с ней случилось, вам не сказали?

– Пап, мне сейчас не хочется об этом говорить. Посмотри в новостях.

– Ясно… ну, вы тут не балуйте. Не делайте того, чего не сделал бы я!

Господи, пап, замолкни уже.

– Им со мной не справиться, мистер Сондерс, – высвободив руку из моей, Роуз награждает папу ухмылочкой, от которой он заливается румянцем. – Мне нужен настоящий мужчина.

– Ладно, детки, после мультика – по домам. – Он делает шаг в комнату и обводит взглядом ноги Роуз.

– У нас еще одна серия на очереди, – говорю я, поднимаясь с кровати, чтоб выставить его за дверь.

– Ну все, я помчался. Увидимся утром.

– Куда? – говорю я, округлив глаза. – Ты только домой пришел, а время уже начало одиннадцатого.

– Ты кто, мама моя? – смеется он, переглядываясь поверх моей головы с Роуз. – Ты же знаешь, какая у меня работа, там все завязано на общении. У меня просто нет выбора.

– У членов совета, должно быть, такая насыщенная жизнь! – говорю я.

– Это по работе, – повторяет он. Мы смотрим друг на друга, прекрасно понимая, что своими сказками он никого здесь не проведет. Впрочем, ни папины подружки, ни мамино пристрастие к выпивке меня уже не заботят. Раньше наша семья была нормальной и даже уважаемой, а теперь при всем своем внешнем лоске она взрывается изнутри. Ну и пусть себе взрывается, мне насрать на всех, кроме Грейси.

Спустя несколько минут голова Роуз падает мне на плечо.

Раздается храп, и мы с Лео так и прыскаем со смеху.

– Заткнитесь, – бормочет она сквозь сон.

Роуз и Ред, 108 дней подряд

Роуз

Пасибки за сегодняшний вечер, я хоть повеселела после всего что произошло.

Ред

Да, так повеселела, что аж заснула!

Роуз

Нуууууу… это только со стороны так выглядело, внутренне я на 100 % была с вами.

Ред

Что делаешь?

Роуз

Слушаю как папа с коровой трахаются. Мерзость.

Ссылка на видео. Посмотреть: Свиньи занимаются сексом

Ред

Хоть один плюс у папиного дезертирства – никаких тебе непристойных звуков. Если не считать блюющей мамы.

Роуз

фуууууууууууууууууууу блин

Ред

Ты как? Денек выдался просто пипец. Най в таком состоянии… в голове не укладывается.

Роуз

Завтра гоу к ней после уроков?

Ред

Давай. Как ты там?

Роуз

Нормуль, накидалась папиным вискарем.

Ред

Прекрати!

Роуз

Это не шутка.

Ред

Тогда хотя бы не захлебнись рвотой, ок?

Роуз

Оки-доки!

Ред

Роуз, насчет завтра…

Роуз

…

Роуз

…

Роуз

…

5

Три часа ночи: сердце колотится, к горлу подкатывает тошнота, шея влажная от пота.

Сажусь в постели, кожу пощипывает, по ходу, кошмар приснился, но о чем – не помню. Во рту привкус грязной речной воды. Спускаю ноги на пол, встаю, натягиваю боксеры и футболку, приоткрываю дверь и прислушиваюсь. Мама часто не спит в это время, а если и спит, то не в постели. Иногда она вырубается на диване, лицом вниз, и на обивке постепенно обра-

зуется лужица слюны, а иногда прямо за кухонным столом. Что мне совсем ни к чему, так это попасться ей сейчас на глаза, потому что спьяну она злая и вспыльчивая.

Вроде бы все тихо. Можно сходить за стаканом воды.

Посреди кухни стоит папа. В нос бьет запах табачного дыма и алкоголя. В плане выпивки ему до мамы далеко. Мама пьянствует, как сапожник, водка заменяет ей весь дневной рацион. Лицо у нее теперь постоянно красное, щеки впали, под глазами залегли темные круги, а фигура стала тощей и жилистой. У папы все не так запущено, но и он любит пропустить стаканчик-другой, говорит, алкоголь снимает напряжение. Интересно, где это он пропадал до трех часов ночи?

– Ой, привет, дружок! – говорит он с таким видом, будто его застукали.

– Мне пить захотелось. – Беззвучно шагая босиком по линолеуму, я подхожу к раковине, открываю кран и жду, пока вода сделается похолоднее.

Он стоит у меня за спиной, переминаясь с ноги на ногу, пыхтя и покашливая, – курение явно не идет ему на пользу.

– Так что там с Наоми? Неужели попытка самоубийства?

– Пока ничего не известно. – Я сонно потираю глаза. – Неужели тебе больше нечем заняться, кроме как в три часа ночи обсуждать эту историю?

– Просто мне не спится. Пожалуй, утром позвоню Максу с Джеки. Я ведь даже немного успел пообщаться с Наоми, когда помогал ей оформить заявку на участие в программе герцога Эдинбургского[2]. Думаю, надо как-нибудь поддержать их, предложить свою помощь.

– Ты им не поможешь, пап, ты же в местном совете состоишь, а не в Кабинете министров.

– Надо показывать людям, что они тебе небезразличны, – говорит он.

– Раз так, не начать ли тебе с мамы? – отвечаю я. – Может, тогда она не будет налегать на водку?

– Не разговаривай со мной таким тоном, – говорит он, но упрек звучит жалко, потому что он знает: правда за мной.

Я ничего не отвечаю – да и что тут можно сказать? Опустив голову, он идет к своему стулу. Когда-то давно мне хотелось быть как он; раньше он казался мне самым сильным и крутым папой на свете, а теперь не вызывает ничего, кроме стыда и смущения. Всего в нескольких милях отсюда моя подруга лежит в коме с разбитой головой. Мама, судя по запаху, блеванула прямо в коридоре, а папа… ну, папа, видать, нашел себе курящую подружку. Что до меня, мне просто хочется вернуться к себе в комнату, зарыться в постель и забыть обо всем хоть на пару часов.

Но об этом нечего и думать. Моей сестренке нужна нормальная семья. Глубоко вздохнув, я вспоминаю то время, когда папа представлялся мне самым храбрым человеком на свете, а мама – воплощением доброты, и ради Грейси делаю еще одну попытку его вразумить.

– Пап… у мамы все вышло из-под контроля. – Он слегка поворачивается на стуле, избегая смотреть мне в лицо. – Тебя дома почти не бывает, ты с этим не сталкиваешься…

– А кто, по-твоему, будет за ней убирать? – говорит он с такой интонацией, будто я веду себя в высшей степени неблагодарно.

– И что? – Мне больно говорить ему то, что он должен услышать, физически больно, как будто сердце сдавили тисками. – Тебе не кажется, что у нее это серьезно, как раньше?

После рождения Грейси мама стала сильно выпивать – впервые на моей памяти, хотя, если задуматься, вряд ли впервые в жизни. Папа почти все время проводил дома, пытаясь одновременно ухаживать за Грейси и за мамой. Помню, он без конца повторял, что я держусь

---

[2] Программа развития молодежи по пяти направлениям: спорт, волонтерство, освоение практических и социальных навыков, походная деятельность, проживание за рубежом. Участники программы ставят себе цели в каждом направлении и на протяжении установленного срока трудятся над их достижением. Основана в Великобритании в 1956 году принцем Филиппом, герцогом Эдинбургским.

молодцом и веду себя очень храбро и как он благодарен, что я не прибавляю ему лишних забот. Как раз в тот период и начались мои проблемы с лишним весом. Мне и есть-то особенно не хотелось, просто нужно было заполнить пустоту, которую оставила после себя мама. Под кроватью у меня хранились обширные запасы украденных из холодильника продуктов. И вот, пока папа возился с Грейси или приводил маму в чувства, мне ничего не оставалось, как сидеть у себя в комнате и пытаться заглушить боль едой, обжираться, пока не усну. В десятилетнем возрасте другого выхода из положения для меня попросту не существовало, а вот в тринадцать лет на смену неутолимому голоду, преследовавшему меня повсюду, пришло полное отсутствие аппетита. Мне стало казаться, что, отказывая себе в еде, я обретаю над жизнью контроль.

– Она находится в стрессовом состоянии. Ты же знаешь, какая она, – говорит папа. Уж лучше бы промолчал.

– Если бы ты чаще бывал дома, уделял ей больше внимания, – настаиваю я, – может, она не чувствовала бы себя такой несчастной и одинокой.

Он смущенно отворачивается, и тут я вижу его таким, какой он есть. Передо мной не бог, не великан, не лучший, умнейший и сильнейший человек в мире, а избалованный ребенок, которому наскучили старые игрушки и хочется новых. В этот момент я его ненавижу.

– Ну и переезжай к своей шлюхе.

Я беру стакан с водой и иду к себе, осторожно переступая через зловонные лужи рвоты в коридоре.

– Иди сюда сейчас же, – шипит папа мне вслед. На этот раз он рассердился по-настоящему, но я не оборачиваюсь. Меня меньше всего заботит, что он обо мне подумает. Я даже не помню, когда он в последний раз что-нибудь для нас сделал.

Вернувшись к себе в комнату, я тихонько закрываю дверь и подхожу к окну: скоро начнет светать. Темнота и тишина предрассветных часов всегда действовали на меня успокаивающе. Ряды домов с мрачными окнами навевают на мысли о гуляющих по ночному небу сновидениях. Столько людей живет в этих домах, и никому из них не приходится переживать то, что переживаю я. От этой мысли становится немножко полегче, ведь если мои проблемы настолько малы, что касаются только меня, значит, не так уж все и плохо.

Временами у меня в голове царит мрак, и тогда я хожу как в тумане, не видя и не чувствуя ничего хорошего, ощущая одну лишь боль. Но я говорю себе: это происходит только со мной и только сейчас, и однажды на моем месте окажется кто-нибудь другой – незнакомец, до которого мне нет никакого дела, и уже он, а не я, будет смотреть в окно в ожидании рассвета, пока по небу будут гулять мои сны.

Ладно, нужно лечь спать. Если я сейчас не лягу, завтра голова будет раскалываться, а перед глазами будут плавать цветные узоры. Обязательно надо лечь спать.

Я заберусь в постель и буду думать о хорошем: вот Грейси играет на воображаемой гитаре, пока я репетирую; вот Роуз прижимается ко мне и от смеха сотрясается всем телом; вот Лео стоит на сцене, как гладиатор. Я вспоминаю, как Наоми изгибала бровь и говорила какую-нибудь ерунду с таким серьезным видом, что мы со смеху покатывались. Мне хочется помнить ее такой – здоровой, без пробоин в голове.

Спустя несколько часов я просыпаюсь, шумно хватая ртом воздух, и на этот раз я помню все: черная, вязкая, ледяная вода заполняет нос и рот, затем легкие; что-то холодное и жестокое тянет меня вниз, глубоко-глубоко, и я знаю, что уже никогда не выплыву на поверхность.

Фанатам

«Зеркало, зеркало»: новости группы!

С добрым утром, народ! Надеемся увидеть всех вас на нашем благотворительном концерте. Мы много репетировали и написали четыре невероятных песни – специально для вас. Концерт организован в поддержку нашей басистки Наоми Демир, так что вам придется раскошелиться!

На этом выступлении Наоми заменит музыкант Лекрадж Шамейн! На вопрос о том, чего он больше всего ждет от совместного выступления с группой «Зеркало, зеркало», Лекрадж ответил: «Уже предвкушаю, как тысячи фанаток будут скандировать мое имя!» (*Шутка*.)

Нажмите **сюда**, чтобы посмотреть видео на песню «Ты мой друг».

Нажмите **сюда**, чтобы узнать, как Роуз Картер распевается перед репетициями.

Нажмите **сюда**, чтобы посмотреть последние видео с репетиций.

Нажмите **сюда**, чтобы перейти к фотогалерее.

6

Заснуть уже не получится, можно и не пытаться, поэтому я включаю «Хромбук» и оставшееся до звонка будильника время коротаю в сети.

874 просмотра в «Тамблере» за месяц – это же до фига! Пусть даже 400 из них накрутила Роуз, пока проверяла комментарии к своим видеозаписям, все равно для четырех шестнадцатилеток результат очень даже неслабый. 1385 подписчиков в «Твиттере». Мы уже запросили синюю галочку и ждем ответа. Как же я хочу синюю галочку – официальное подтверждение того, что мы существуем.

Недавно мы залили на «Ютьюб» клип на песню «Карусель», который снимали в парке. Вышло просто офигенно. В песне рассказывается история двух подростков, которые друг другу нравятся, но никак у них не получается сойтись. Текст писали мы с Най. Так вот, парк был идеальным местом для съемки. Мы включили запись песни у меня на телефоне, а сами изображали, что поем и играем на музыкальных инструментах. Вокруг была масса детей, и не меньше половины из них смотрели на нас как на полных придурков. Но что-то подсказывало мне, что видео получится потрясным. Труднее всего съемки дались Лео: ему лишь бы играть, а всю эту фигню с клипами он терпеть не может. Но Роуз его уломала. В смысле, напоила немного и угостила пилюлей. Тогда он подрасслабился, забрался на горку с гитарой и, позабыв о своем имидже крутого парня, ушел в полный отрыв. Потом настал черед Роуз. Лежа на качельной доске, она томно позировала и сексуально шевелила губами под музыку, как Мадонна из клипов восьмидесятых. Наоми всю песню медленно кружилась на карусели, так ни разу и не улыбнувшись. Роль оператора досталась мне, а камерой послужил телефон Наоми в чехле с изображением персонажей нинтендовской игры «Легенды Зельды». Снимать было решено каждого по отдельности на протяжении всего трека, чтоб мне потом было удобнее монтировать клип. Когда подошла моя очередь, телефон взяла в руки Роуз. Темные очки, перчатки без пальцев, барабанные палки, а заместо ударной установки – скамейка. Клип собрал 924 просмотра, и я считаю, этим можно гордиться. В «Фейсбуке» нас лайкнули ни много ни мало 2300 пользователей, а в «Инстаграме» у нас уже 760 подписчиков. Ну точно пора регистрироваться на «Спотифай».

Штука в том, что мне нравится мой образ в социальных сетях. Там я выгляжу как человек, который знает, что делает, чего хочет и куда движется по жизни. Там я очень даже ничего, уверенности в себе хоть отбавляй, а с барабанными палочками в руках вообще работаю как слаженный механизм: каждая мышца, каждый рефлекс, каждый удар сердца, каждая клеточка

мозга – все во мне совершенно. Мое отражение, живущее за блестящим экраном, – вот кто получает «лайки» и сообщения в личку. Это ему достаются лукавые улыбки от девушек, которые неожиданно для себя понимают, что, может быть, и заинтересовались бы мной в том самом смысле, ведь, несмотря на свой рост и худобу, играю я офигенно. В общем, в социальных сетях у меня сложился клевый и даже сексуальный такой образ.

Как бы то ни было, в реальной жизни мне очень долгое время и в голову не приходило думать о себе в таком свете.

Тут, в реальной жизни, мне было очень трудно себя полюбить. В те годы, когда моим единственным утешением была еда, собственное тело казалось мне тюрьмой, откуда невозможно выбраться на свободу. Сильнее ненависти, которую вызывала во мне эта оболочка из плоти и крови, была только моя потребность в ней.

А потом внезапно все переменилось.

Однажды стою я в школьной раздевалке, и мой взгляд падает на отражение в зеркале. Это мое отражение, но из-за непривычного ракурса сначала я себя не узнаю. Передо мной кто-то чужой, и этот человек мгновенно вызывает у меня ненависть, отвращение и жалость.

И вот весь следующий год у меня была лишь одна цель: стать невидимкой, выстрогать себе новое тело, тоненькое, едва заметное. До булимии, к счастью, не дошло. Переедание для малышей, думалось мне тогда, потому что они беспомощные и ничего не могут изменить, а человек, который хочет управлять жизнью сам, наоборот, должен отказаться от еды. Казалось бы, родители должны были обратить на меня внимание. Они и обратили, но лишь для того, чтобы сказать, что я в отличной форме, несмотря на то, что мои ребра стали напоминать стиральную доску и меня трясло от холода даже в жаркий день. Из-за родителей мне пришлось раздуться, как шарик, а потом иссохнуть, как мумия, но ничего так и не изменилось. Кроме моей фигуры.

Меня спасли Най, Лео и Роуз. Они видели не ту версию меня, которая была тогда, а другую, более счастливую версию, которая тоже имела право на существование. Они показали мне, кем я могу стать, и помогли понять, что если я не начну жить для себя, то быстро окажусь в очень темном месте, откуда уже нет дороги назад. В нашей шизанутой семейке вроде как принято своими руками рушить себе жизнь, но эту традицию мне продолжать не хотелось.

Следующий год прошел в репетициях и тусовках с людьми, которые стали моими друзьями. Контроль прекратился, и начался полный отрыв. Столько всего происходило, что мне даже некогда было задумываться о том, что я ем. Было жутко страшно, но и безумно интересно, потому что у меня были друзья, и вместе мы репетировали, танцевали, смеялись, гуляли ночами напролет, ходили по клубам и барам, закидывали головы назад и выли на луну.

Такой образ жизни здоровым не назовешь, правда? Однако же он пошел мне на пользу. Когда целыми днями репетируешь, волей-неволей становишься сильнее и выносливее; когда не думаешь все время о еде и не стремишься себя ограничить, начинаешь питаться более сбалансированно; когда разрешаешь себе быть собой, обретаешь душевное равновесие.

Это был не фитнес-марафон, это был марафон счастья. А еще до меня наконец дошла одна важная вещь: как бы мне ни хотелось, чтоб родители обо мне заботились, их опека мне на самом деле не нужна. Я и так могу о себе позаботиться – и о Грейси тоже – и получается у меня куда лучше, чем у них самих.

Господи, сколько можно болтать о себе! Скука смертная.

В общем, был у меня «жирный» период, и был у меня «тощий» период, а теперь я в тонусе, вот и все тут. Хватит зацикливаться на всякой фигне, Ред, есть вещи и поважнее.

К примеру, чтобы Най поправилась. Этого мне хочется больше всего на свете.

На углу меня поджидает Лео.

С ним его старые друзья – чуваки, с которыми он тусовался до того, как вступил в группу, и до сих пор иногда общается. Я не беспокоюсь: они ничего не имеют против меня, а я ничего не имею против них.

Вот если б Лео стоял в компании девушек, у меня тут же снесло бы крышу. Что делать, если ноги вросли в пол? Что бы такого сказать, чтобы не опозориться? У меня смешные шутки? Я для них пустое место? Всякий раз, когда рядом оказываются симпатичные девушки, эти и подобные мысли начинают роиться у меня в голове, а вот полезная информация – о том, как ходить, например – напрочь оттуда стирается. В итоге приходится себе напоминать: это твои ноги, дурья ты башка, одну ставь перед другой.

Раньше при виде Лео, его корешей и особенно его старшего брата Аарона, который тоже учился у нас в школе, меня охватывал панический страх. Их рюкзаки, казалось, были под завязку забиты ножами и пистолетами, а жвачку они жевали так агрессивно, будто готовы были побить любого, кто придется им не по душе, и вообще уже прихлопнули парочку неудачников, а тела сбросили в Темзу. Как оказалось, мои опасения были не напрасны: накануне своего девятнадцатилетия Аарон сел за то, что пырнул ножом какого-то парня в закусочной.

Но Лео – не Аарон, а идти в школу с его друзьями совсем не страшно, потому что, оказывается, не такие уж мы и разные. Ну, только они повыше, естественно, как и все остальные люди на этой планете.

– Здоро́во, – говорит Лео, когда я подхожу.

– Здоро́во, чувак, – говорю я, а потом киваю по очереди всем его друзьям, а они кивают мне. Мы пускаемся в путь, и я представляю себя Дэвидом Боуи в окружении телохранителей.

Солнце ласково греет затылок, и даже выхлопные газы сегодня пахнут приятно. Гудят машины, скрипят тормоза, ревут двигатели, матерятся велосипедисты, гремит радио. Мне нравится шум города.

– Тройка лучших гитаристов? – говорит Лео.

– Ну, Хендрикс, конечно же, потом Мэй, потом Слэш.

– Шутишь, что ли? – качает головой Лео. – Хендрикс – это само собой, но какой Мэй, на фиг, какой Слэш?

– Такой Мэй, на фиг, и такой Слэш. Чувак, иди в жопу, Брайан Мэй – лучший в мире гитарист.

– У тебя с головой проблемы. Ты еще скажи, что Фил Коллинз – лучший в мире барабанщик…

– Ну… кстати, где ты вчера пропадал? – спрашиваю.

– Я вообще-то у тебя в гостях был, тупица.

– Да нет, после этого. Мы с Роуз переписывались, а ты был офлайн.

– А, это. Мама хотела поговорить.

– Вот блин.

– Ага. – Лео некоторое время молчит, но ему никогда не удавалось скрывать эмоции. У него на физиономии написано: случилась какая-то беда. – Мало у нас проблем, а тут еще…

– Ты о чем?

– Аарон выходит на свободу.

Ему больше не нужно ничего говорить.

– Вот блин.

Дальше мы идем молча, предоставляя Лондону заполнить паузу в нашем разговоре. Пока Аарона не посадили за решетку, Лео постоянно тусовался с ним, во всем на него равнялся и позволял втягивать себя во всякие темные дела. Аарону до лампочки, сколько вреда он причинит окружающим, пока не добьется своего, вот почему я его так стремаюсь. Когда-то он, наверное, был обычным ребенком, но в довольно юном возрасте стал водить компанию с парнями постарше, и они подсадили его на сканк. С тех пор он как с катушек слетел. Некоторые

курят, и ничего с ними не происходит, а у некоторых – вон как у Аарона – как будто в мозгу что-то переклинивает. Их засасывает все глубже и глубже, пока наконец восприятие мира у них не меняется навсегда. Сканк ломает людей. Он сломал Аарона, а тот потянул за собой Лео.

Год назад, когда мы только начали играть вместе, Лео был парнем мрачным и сердитым. Он реально вселял в меня ужас. Тот, прежний, Лео вечно ходил по лезвию бритвы: банды, торговля наркотиками, сомнительные халтурки. Он знал секреты таких опасных людей, что любой нормальный человек бы на его месте потерял сон. Заключение Аарона стало для Лео подарком судьбы. Впервые в жизни он вышел из-под влияния старшего брата, и у него появилась возможность задуматься над тем, кто же он такой. Будь Аарон на свободе, он бы не позволил Лео играть в группе и снимать клипы на детской площадке.

Так или иначе, Аарона скоро выпустят, и тогда он снова будет за главного – если только Лео за себя не постоит.

– Ну… а что сказала твоя мама?

Господи, почему я вечно несу всякую херню?

– Она не хочет, чтоб он с нами жил, но все равно его пустит, родной сын все-таки. Держись от него подальше, говорит, не запускай учебу, не позволяй ему втягивать себя в неприятности. Можно подумать, я святоша, а он весь такой плохой.

– И как ты смотришь на то, что он вернется? – спрашиваю я, не глядя ему в лицо.

– Это ж мой братуха. Конечно, я рад, – отвечает Лео после короткой заминки.

– Эй, привет! – сзади к нам подбегает Роуз, на носу – солнцезащитные очки, на голове – бардак.

– Похмелье накрыло после отцовского виски? – говорю я.

– Да, у меня аристократические вкусы, ничего не могу с собой поделать, – улыбается она. – Но мне необходимо было выпить. До сих пор не верится, что Най в коме. Когда ее считали пропавшей, я хотя бы могла притворяться, что она цела и невредима, а теперь… просто пипец.

– Я всю ночь о ней думал, – говорит Лео. – Не стала бы она совершать самоубийство, это уж точно. Помните, как она вела себя в конце учебного года? Най изменилась: перестала носить анимешные прикиды, косметикой пользоваться. Да она вся… вся светилась. Накануне исчезновения она прямо сияла от счастья. Мне ведь не одному так показалось?

– Нет, ты прав, – говорю я. – Она выглядела счастливой и беззаботной, столько потрясающих песен написала – мы даже записывать не успевали. У нее не было абсолютно никаких поводов для… ну вы поняли.

– Выходит, она ушла из дома, – говорит Роуз, – а спустя какое-то время с ней случилось что-то ужасное, что-то настолько темное и невыносимое, что ей захотелось расстаться с жизнью. Другого объяснения быть не может.

Пытаясь вообразить эту страшную, неведомую причину, мы все бессознательно останавливаемся. Друзья Лео уходят вперед.

– Привет!

Голос Аширы так сильно похож на голос Най, что мы чуть ли не подпрыгиваем на месте, а затем переглядываемся: вдруг она все слышала?

– Привет, Эш, – Роуз поджимает губы в нерешительной улыбке.

– Ребят, мне неловко вас об этом просить, но Джеки подумала, что вы не отказались бы поужинать у нас сегодня после больницы. Помочь Наоми она не может, и ей надо на что-нибудь отвлечься. – Эш вымученно улыбается. – По мне, так затея дурацкая, но Джеки считает, что любую проблему можно исправить, хорошенько всех накормив. К тому же, думаю, вам удастся ее немножко приободрить, понимаете?

– Конечно, – говорю я слегка неуверенным тоном, взглядывая на Лео с Роуз. Они согласно кивают.

– Знаю, вечер будет странным… и откровенно ужасным, – вздыхает она, опустив голову и уставившись в пол. – Джеки говорит, что в доме стало слишком тихо. Я не приглашаю друзей в гости, да их у меня и нет. Никто не знает, о чем со мной говорить.

– Господи, Эш, прости нас, пожалуйста, – Роуз хочет обнять ее, но останавливается. Ашира производит впечатление человека, который не любит физического контакта.

– Вы не виноваты, – пожимает плечами Эш. Она встречается со мной взглядом, и у меня возникает ощущение, что она хочет поговорить со мной наедине. – В любом случае люди меня никогда особенно не интересовали.

– Мы вели себя как самые настоящие говнюки, – Лео качает головой. – Надо было тебя поддержать. Не знаю, как-то мы все расклеились.

– Ну, вы же готовите концерт, правильно? Хорошая идея, и есть на чем сосредоточиться, пока Най в коме. – Эш заставляет себя улыбнуться. – А у меня свои способы справляться со стрессом. Короче, Джеки была бы очень рада увидеть вас всех и закормить. Если перспектива провести с нами вечер вас не пугает, заходите.

– Зайдем обязательно, – говорю я. – Я скучаю по стряпне Джеки.

– Как ты, держишься? – Роуз пересекает невидимую черту вокруг Эш и берет ее за руку, как обычно, бесстрашно нарушая чужие границы.

– Все путем. – Эш аккуратно высвобождает руку. – Папа сидел с ней всю ночь, только что вернулся, говорит, состояние стабильное, так что… увидимся в больнице, наверное.

Опустив голову, Эш уходит, а мы стоим и смотрим ей вслед. Она спешит туда, где никто не увидит ее слез, двигаясь так быстро, что волосы развеваются у нее за спиной.

– Мне и в голову не пришло проведать родителей Наоми, – говорит Роуз. Раздается звонок на урок. Мы с удивлением замечаем, что школьный двор опустел. – Или спросить у Эш, как у нее дела.

– Нам тоже. – Лео обнимает ее одной рукой за плечи, и она прислоняется головой к его груди. Тогда он быстро целует ее в макушку и отпускает, как будто ничего не произошло. В этом жесте и правда не было ничего такого, но у меня появляется щемящее чувство в груди. А от мысли, что моего роста при всем желании не хватило бы на такой поцелуй, становится еще хуже.

– Привет, ребята! Можно вас на пару слов?

К нам по бетонной площадке бежит мистер Смит.

– Вы сегодня планируете навестить Наоми?

– Да, – говорит Роуз. – А как же. А вы, сэр?

– Нет, сегодня вряд ли получится, но держи меня в курсе, лады?

– Лады, – улыбается Роуз.

– Понимаете, в чем дело: я только что вспомнил, что позвал к нам в гости местный радиоканал. Изначально планировалось, что они возьмут у вас интервью и запишут репетицию, а потом сделают из всего этого ролик и будут крутить в качестве рекламы. Теперь, когда Наоми нашлась, наверное, стоит все перенести. Мне необходимо поговорить с ее родителями.

– Не нужно ничего переносить. – Роуз касается руки мистера Смита, как будто хочет его утешить. – Семья Наоми только за, нам Эш сказала.

– Значит, всё в силе? – говорит он.

– Ну да, – говорю я. Лео молча кивает.

– Хорошо. Тогда бегом на урок, а не то опоздаете. Если будут ругать, валите все на меня.

– Хорошо, сэр, – склонив голову набок, Роуз расплывается в улыбке. – А вы валите все на меня.

– Ах да, Роуз, не забудь заскочить ко мне в кабинет насчет хора, – кричит он, пересекая двор. Сколько бы Роуз с ним ни флиртовала, ему все как с гуся вода.

– Что ты творишь? – спрашивает Лео, когда мы заходим в школу. – И на кой тебе сдался хор?

– Для какого-то конкурса им нужна чертовски привлекательная солистка. – Она заливисто смеется и бросает на него взгляд из-под ресниц. – И потом, мужчины просто не могут устоять перед моим природным обаянием, что ж тут поделаешь?

– Скорее, ты не можешь устоять перед ними, – огрызается Лео и, отшатнувшись от нее, уходит отмечаться.

– Чего это он? – Мы останавливаемся посреди коридора. Роуз удивленно на меня смотрит. Вдалеке хлопают двери классов, шум и гам школьного утра стихают, наступает тишина – верный признак того, что мы опоздали.

Это ты так на него действуешь, хочу сказать я.

– Аарон скоро выйдет на свободу.

– Вот же… – Нахмурившись, она скидывает сумку с плеча, и та с оглушительным грохотом падает на пол. – Аарон мудак, а Лео этого в упор не замечает.

– Вот-вот. – Я пробегаю пальцами по своему бритому затылку. – Но что мы можем ему сказать? Что мы можем сделать? Он ведь Аарона боготворит.

– Не волнуйся. – Роуз нагибается за сумкой. – Мы больше никого не потеряем. Я этого не допущу.

Мы продолжаем идти по коридору, и я улыбаюсь ей, представляя себя мультяшным персонажем с сердечками вместо глаз.

– В чем дело? – спрашивает она, с подозрением на меня поглядывая. – Что такое?

– Ничего.

Роуз – она всегда живет настоящим, ставит под сомнение и проверяет на прочность все вокруг, по любому поводу встает на дыбы. Это-то меня в ней и восхищает.

– Ладно, у меня нет времени ждать, пока ты тут соберешься с мыслями. Пока, дурачье! – Она показывает мне средний палец и ускоряет шаг, а добравшись до конца коридора, оборачивается и кричит что есть мочи:

– Люблю тебя!

– Я знаю, – говорю я. Когда я наконец захожу в класс, рот у меня до ушей.

История сообщений

Роуз 1 мин назад 109 дней подряд
Лео 1 ч назад 43 дня подряд
Касия 6 ч назад 6 дней подряд
Парминдер 3 дня подряд
Лука 4 дня назад
Сэм 5 дней назад
Наоми 27 июля (Наоми офлайн)

7

А пошло все в жопу.

Мне казалось, я что-то почувствую, когда она вернется. Радость, грусть – хоть что-нибудь. И вот мы втроем сидим у ее постели, а слов у нас нет, эмоций… тоже. Мы как будто попали в вакуум.

– Пришли! – увидев нас, Джеки просияла. Хоть какая-то польза от нашего присутствия. – Ей нужно больше общаться со сверстниками. В компании такой старой зануды, как я, кто угодно со скуки спятит. – Она вела себя так, будто Най сидела со скучающим видом в постели,

то и дело отпуская саркастические замечания и театрально закатывая глаза. – Все хорошо, доченька, друзья с тобой.

На этих словах она прижала ладонь к моей щеке. Мы слабо улыбнулись друг другу.

– Побудьте тут с ней, а я поеду домой готовить. Как же здорово, что вы согласились зайти, мне теперь хотя бы есть чем заняться. Пока будем ужинать, с ней посидит Макс, а потом мы с ним поменяемся. Я больше не хочу оставлять ее одну, понимаете? Она там совсем одна была, в реке, и… – слова застряли у нее в горле.

– Не беспокойтесь, миссис Демир, – сказал Лео очень серьезным тоном. Он приобнял ее за плечи, как будто желая оградить от любых неприятностей. – Мы отсюда никуда не денемся. Езжайте себе спокойно домой, готовьте, в этом вам нет равных. Только моей маме не говорите, что я так сказал.

Джеки кивнула, чмокнула его в щеку, затем судорожно вздохнула и прильнула губами к единственному кусочку гладкой коричневой кожи, который виднелся на лице ее дочери.

– До скорого, малышка, не болтай подолгу, не то устанешь, – прошептала она.

– Она выглядит получше, – говорит Роуз после ухода Джеки. – Вам так не кажется? Уже не такой… холодной.

И правда, цвет лица у нее посвежел. Если смотреть только на один глаз и окружающий его неизувеченный участок кожи, можно представлять, что она всего-навсего крепко спит. Главное – не отводить взгляда.

– Что делать будем? Может, расскажем ей, как у нас дела? – предлагает Лео, засунув руки глубоко в карманы. – Вроде как нужно с ней разговаривать, так ведь? Странно это все.

Он пересекает палату и прислоняется к двери, будто мечтает провалиться сквозь нее в коридор.

– И что нам такого сказать? – интересуется Роуз. – Что Парминдер как была коровой, так и осталась, а школа по-прежнему сплошной отстой?

Наступившую тишину нарушают только звуки нашего дыхания и урчание аппаратуры.

– Музыка, – говорю я, указывая глазами на телефон Роуз. – Открой-ка «Тьюнифай». У нее все плейлисты в открытом доступе, можно оттуда что-нибудь поставить.

– А это идея! – Роуз открывает приложение, с помощью которого мы все транслируем любимые песни. – Вот бы еще найти хоть один плейлист… она давала им такие дебильные названия.

– Включи «No Apologies»[3], – говорю. – Она эту песню всю весну слушала. Sum 41. Плейлист называется «ПВЖ УБЛДК».

Роуз копается в телефоне, но песня все никак не начинается. Она хмуро всматривается в экран.

– Странно…

– Что странно?

– Откройте у себя «Тьюнифай» и введите название плейлиста. Имя пользователя «НайСэй01».

Я достаю телефон. И действительно, по запросу «ПВЖ УБЛДК» приложение выдает два плейлиста с одинаковыми песнями. Один из них создала Най в июле, а второй появился чуть позже, в августе, у пользователя с другим именем. Я протягиваю телефон Лео. Он растерянно пожимает плечами.

– Кто такая ТемнаяЛуна? – говорит Роуз. – Вы только посмотрите: если набрать в поиске «НайСэй01», всюду выскакивает эта сраная ТемнаяЛуна, она все плейлисты Наоми к себе скопировала. Все до единого. Как это понимать?

Мы таращимся на экран, как будто ожидая прозрения.

---

[3] «*Никаких извинений*».

– Да никак. – Лео качает головой. – Наоми пропала, а кто-то решил таким способом типа привлечь к себе внимание. Небось, какая-нибудь дурочка из школы. Или дурак. Вокруг одни сволочи, вы что, забыли?

– Найду того, кто это сделал, богом клянусь… – рычит Роуз.

– Просто включи музыку, ладно? – говорит Лео. Маленькую палату заполняет сердитый рев гитар, и слушать его куда приятнее, чем звуки медицинского оборудования или наше тяжелое молчание.

Я с любопытством просматриваю плейлисты ТемнойЛуны. Среди них не только те, что были скопированы у Най, но и плейлисты, составленные из песен нашей группы. Во всем мире от силы человек одиннадцать добавляют наши песни к себе. По ходу, Лео прав: это кто-то из школы, какая-то поклонница группы, явно двинутая.

Когда я поднимаю глаза, Роуз стоит лицом к окну, а Лео сидит на единственном стуле для посетителей, расставив длинные ноги в стороны; оба возятся с телефонами.

Положив мобильник в карман, я заставляю себя поглядеть на Най.

Когда дружба по меньшей мере на пятьдесят процентов состоит из общения в сети, можно и забыть, что за аватаркой скрывается человек из плоти и крови.

На висках у Наоми виднеется щетина – по ходу, ее длинные прямые волосы частично сбрили. Выглядывающие из-под повязки гематомы начали желтеть и расползаться по лбу. На ее лицо больно смотреть. Тяжело видеть девушку, которая проводила с тобой дни напролет, в таком состоянии, в синяках и с проломленным черепом. Но ей, должно быть, в сто раз тяжелей. Понимает ли она, где сейчас находится? Что творится у нее в голове?

Разглядывая незабинтованные участки ее лица, я пытаюсь представить, что же могло произойти между тем днем, когда мы в последний раз виделись, – это было два месяца назад, она как раз смыла макияж, из-под желтого летнего платья виднелись карамельные ножки – и тем днем, когда ее нашли. Я напрягаю все силы своего ума и воображения, но мне так и не удается найти связь между той девушкой, которая смеялась и танцевала босиком на лужайке в парке, и этой, в ушибах и кровоподтеках.

Руки ее аккуратно лежат поверх одеяла вдоль тела. Они тоже разукрашены синяками, но пострадали не так сильно, как голова. Мой взгляд скользит по фиолетово-желтой россыпи пятен, которая тянется от плеча до запястья ее правой руки. Я двигаюсь ближе. Неужели никто больше не заметил, что эти овальные синяки похожи на следы пальцев? Ее как будто хватали за запястье, причем с такой силой, что чуть не переломали все кости.

От одной мысли, что ей могли причинить столько боли, у меня по спине пробегает холод и начинают дрожать руки.

За окном в коридоре стоит лечащий врач Наоми, доктор Белый Халат или как ее там. Она разговаривает с медсестрами, вся такая серьезная и сосредоточенная. Не похоже, чтобы она когда-нибудь упускала из виду важные детали.

Я что хочу сказать: ее же должны были осмотреть, правильно? Настолько очевидную вещь врачи бы уж точно не проглядели. Даже спрашивать об этом не стоит – еще подумают, что я указываю им, как выполнять их работу. С другой стороны, с тех пор как ее нашли, Най все время была в отключке и не могла пожаловаться на боль в запястье. Моя рука тянется к ее ладони, но я себя останавливаю.

Фишка в том, что мы с Най кучу времени проводили вместе, вдвоем то есть.

Когда она исчезла, полицейские захотели покопаться в наших ноутбуках и мобильниках – проверить, нет ли там каких зацепок. Мы дали им понять, что если б знали, где она находится, то давно бы им все выложили, но они сказали, что должны сами провести экспертизу. Ясное дело, никаких зацепок они не нашли.

В полиции решили, что мне должно быть известно о ней все. Ее родные, друзья, даже моя мама – все говорили: если кто и может знать, где находится Наоми, так это Ред. У нас было

много общего, мы вечно друг друга смешили, заканчивали друг за друга предложения. Люди думали, что нас связывает нечто большее, чем дружба. Чему тут удивляться, ведь почти все песни группы мы написали вдвоем, и многие из них о любви.

Но Наоми писала не обо мне, а я – не о ней.

Мы никогда не спрашивали друг у друга, о ком сочиняем тексты. Мы безответно влюблены, это было ясно, а в кого – не суть важно. Мы просто дружили, не чувствуя необходимости делиться секретами. У нас и без того было полное взаимопонимание. Я часто рисую себе небольшие сценки, в которых целуюсь то с одной знакомой девушкой, то с другой, но Най никогда не была героиней этих моих фантазий. У нас были особые отношения.

Теперь вот я сижу у ее кровати и хочу взять ее за руку, но все никак не решусь. Раньше меня ничто бы не остановило, никакие любопытствующие взгляды, ведь мы с Най знали, какие у нас отношения, а на других нам было наплевать. Но теперь… чьи руки трогали ее до меня? Кто причинял ей боль? Она кажется мне чужой, и только теперь, когда ее нашли, я понимаю, как же сильно мне ее не хватает.

Крайне осторожно, стараясь не задеть поврежденные места, я беру ее за руку. Кожа у нее теплая, в районе запястья размеренно тикает пульс. Бросив быстрый взгляд на Роуз и Лео – эти двое до сих пор не оторвали головы от телефонов, – я как можно аккуратнее подношу ее руку ко рту и шепчу ей в ладонь:

– Ты возвращайся, Най, ладно? Возвращайся, ты нужна мне.

В этот момент мне на глаза попадается то, чего никто из нас раньше не замечал. С первого взгляда – как полумесяц. Свежая, контуры четкие, пряталась, но все время была тут.

– Твою мать, – говорю я громко. Лео с Роуз поднимают глаза.

– В чем дело? – Роуз подходит ко мне.

– Татуировка, – говорю. – Наоми сделала татуировку.

8

С татуировками вот какое дело. У меня их три, но об этом никто не знает: ни Роуз, ни Лео, ни даже Най. Наверное, однажды тайное станет явным, и тогда не избежать мне выволочки и родительского разочарования, но пока что никто ни о чем не догадывается, и в этом несомненный плюс родителей, которые тебя не замечают.

И хотя несовершеннолетним набивать тату запрещено, меня это не остановило. Первая моя татуировка была сделана в домашних условиях. Проще некуда: покупаешь иголку, чернила, смотришь обучающее видео на «Ютьюбе» и приступаешь. Мне показалось, что идеальным местом для наколки будет свод стопы. Боль была адская, да и качество вышло не ахти.

Получился не символ бесконечности, как было задумано, а какая-то пьяная восьмерка. Не знаю даже, за каким хреном мне это понадобилось, разве что руки занять, ну, и боль оказалась довольно приятной. Мне в тот день и так было невыносимо больно, будто все тело вместе с внутренними органами превратилось в один большой синяк, а в грудную клетку залили свинца. Очень уж хотелось отвлечься.

Вторая тату появилась в тот же день, что и новая стрижка, и так же спонтанно. У меня было некое размытое представление о том, как я хочу выглядеть, но, в то время как моя фигура постепенно приходила с ним в соответствие, «образ» мой оставался прежним. Нужны были перемены в стиле.

И вот как-то утром я просыпаюсь и думаю: моему бедному телу столько всего пришлось пережить, и никто этого даже не заметил, но стоит мне только сделать пирсинг или еще что – все, начинается Третья мировая. Да пошли они в жопу! Разве это правильно или справедливо? Если я и вправе что-то решать в своей жизни, так это то, как я выгляжу.

Когда бритва закончила жужжать, из зеркала на меня смотрел совсем другой человек. Домой идти мне не улыбалось – хотелось еще немного побыть собой, прежде чем меня начнут распекать за то, что я не отвечаю родительским представлениям о примерном подростке из семьи среднего класса. Тут мне и попалась на глаза увешанная эскизами витрина тату-салона. Денег на хорошую татушку у меня хватало – спасибо субботним сменам в супермаркете. Ну, думаю, была не была, все равно взашей вытолкают, потому что мне на вид не больше одиннадцати.

Может, дело было в новой стрижке, может, еще в чем, но меня не выставили, даже паспорт не спросили. Громадный мужик с бородой до пояса приносил каталог за каталогом и ничуть меня не торопил. Одна татуировка мне особенно понравилась: такая рыба-молот из символов, похожих на древние письмена.

– Это знак силы. Воин, защитник, – пояснил он. – Его носит человек, который пойдет на все ради тех, кого любит.

– Хочу ее! – Тут до меня дошло, что есть только одно место, где ее уж точно не запалят, и щеки залились румянцем. – На попе.

Он смерил меня внимательным взглядом, должно быть, пытаясь понять, что же такого в этом рыжеволосом существе с выбритой на три четверти головой есть от воина и защитника. В конце концов он пожал плечами и сказал:

– Там будет больно.

– Ничего, потерплю.

– Ну, кожа твоя.

Он меня не обманул: больно было просто пипец как. Машинка будто сверлила мне кости, кожа горела, нервные окончания выли в ответ на каждый укол. Пытка, казалось, тянулась часами, но в какой-то момент мне удалось раствориться в боли, и она стала наполнять каждый мой вдох и выдох. Наконец он закончил, соскреб меня со стола и подвел к зеркалу. У меня на глазах цвета татуировки – зеленый и голубой – ожили, заиграли, заструились. Тут же по телу разлились тепло и покой. Мне стало хорошо и уютно в собственной шкуре, даже самооценка поднялась. Правду говорят: надо показывать миру свою истинную сущность. Всегда.

Зад потом болел целую вечность – еще бы! – но мне было плевать. Мне нравилась боль, нравилась моя рыба-молот и что никто о ней не знает, потому что это означало, что никто по-настоящему не знает меня, даже самые близкие друзья.

Третья татуировка у меня под мышкой, на уровне сердца. Мне было очень плохо после исчезновения Най, хотелось заглушить эмоциональную боль физической, а жопа к тому времени уже почти прошла – вот и пришлось нанести еще один визит бородатому мужику. Результатом стала волна, разбивающаяся о скалы. Вода, которая движется, меняется, преобразуется, набирает скорость. Я волна, пришло мне тогда в голову, разобьюсь о скалы – море выкует меня обратно.

Помню, захотелось поделиться этой мыслью с Най, крутая вышла бы строчка для песни, но ее рядом не было: она пропадала в том месте, где сделала это.

Эту татуировку.

Из-за нее-то я и психую.

Наоми никакие силы на свете не заставили бы сделать наколку. Да она их терпеть не могла.

Мы с Най часто смотрели передачу «Работа над ошибками: татуировки», и она всегда говорила, что на это шоу попадают только конченые кретины, ведь кому еще взбредет в голову завалиться пьяным в тату-салон и сделать себе татуировку в виде члена? Те, кто делают наколки, твердила она, не задумываются о том, как они будут выглядеть в старости, когда кожа обвиснет и покроется морщинами. И вообще Най считала, что у таких людей одно тщеславие, а индивидуальности никакой.

Короче, та девушка, которая гуляла с нами за день до своего исчезновения, которая танцевала в желтом платье босиком, ни за что в жизни не стала бы делать тату.

– Офигеть… – Роуз садится на колени рядом со мной и вглядывается в необычный синий узор.

– Ну дела, – раздается голос Лео у нас за спиной.

Татуировка выполнена в форме полукруга, размером она, считай, не больше пятидесятипенсовой монетки, а внутри разукрашена четким абстрактным узором. Плавные изгибы, прямые углы, точки и черточки – столько деталей, столько слоев, но где же во всем этом смысл? Впрочем, если долго глядеть, плоские линии становятся выпуклыми фигурами, превращаются в лица, силуэты животных. Но стоит только моргнуть, и все исчезает.

– Настолько детальную проработку на таком маленьком участке мог сделать только крутой мастер, – говорю я. – Смотрите, как все четко и ровно, и никаких подтеков. У друга на хате тебе так не набьют. Это дело рук профессионала. Надо сообщить в полицию.

– С каких пор ты у нас разбираешься в наколках? – говорит Лео. – В жопу копов! Ну скажем мы им, и что от этого изменится?

– Раньше у нее татуировки не было, значит, она сделала ее после того, как убежала из дома. Может, полиция узнает, в каком она была салоне, кто с ней туда заходил, как она расплачивалась… – Я оборачиваюсь к Роуз. – Мы просто обязаны им сообщить, скажи?

Она кивает, а Лео раздраженно качает головой.

– Чего ты так разнервничался? – спрашивает Роуз, и он упирает взгляд в пол.

– Ничего я не разнервничался, просто… мне пришлось несладко, когда она сбежала, если вы помните. Не хочу, чтоб они снова вокруг меня вертелись, особенно сейчас.

Когда ты из такого неблагополучного района, как Лео, полиция всегда во всем подозревает именно тебя. Там живет много хороших людей, взять хотя бы Лео с его мамой, но из-за высокого уровня преступности, торговли наркотиками и кучи враждующих между собой банд район приобрел дурную славу. Стоило полицейским узнать, что Наоми дружит с парнем из этой округи, чей старший брат мотает срок за нападение при отягчающих обстоятельствах, и они набросились на Лео, как свора голодных собак. Его дольше всех допрашивали, ему позже всех вернули телефон с ноутбуком. Он ли посещал данные порносайты? По какой статье сидит его брат? Вопросы все сыпались и сыпались. Да, Лео крепко досталось, и его это очень разозлило. Он потерял последние остатки доверия к полиции.

Разве можно винить его в том, что он хочет держаться от людей в форме подальше?

– Думаю, можно и не впутывать в это дело полицию, – говорю я неуверенным голосом.

– У нас нет другого выхода, – вмешивается Роуз. – Это вообще-то улика.

– Вы не догоняете, – говорит Лео. – Подумаешь, сбежавшая из дома девочка сделала тату! Это им ни о чем не скажет, Роуз.

Роуз переводит взгляд на меня, и я пожимаю плечами: он прав.

– Мы-то с вами знаем, что-то здесь не так. Но копы разбираться не станут, и пальцем не пошевелят. Надо самим узнать, где она ее набила.

– Ну, скажем тогда Джеки с Максом: они знают Най, они знают, что она бы не стала делать татуировку, – говорит Роуз упрямо. Она терпеть не может, когда оказывается неправа.

На этом мы втроем и сходимся.

– Мне бы воздухом подышать, – говорит Лео. – У меня от этого места…

Опустив голову и засунув руки в карманы, он уходит.

– Как мы могли ее проглядеть? – Джеки держит в руках ладонь дочери, рассматривая тату на запястье. Макс – между бровей глубокая складка – стоит чуть позади. Эш расположилась у окна и наблюдает за происходящим с непроницаемым выражением лица. Солнце подсвечивает красные прядки в ее черных волосах. Интересно, что происходит у нее в голове? – Сразу видно,

татуировку сделали недавно. Кожа под ней выпуклая и все еще немного розовая. Неужели вы ее не заметили? – обращается она к докторше.

– Наоми доставили к нам в критическом состоянии, и нужно было принять ряд срочных мер, – говорит доктор… Паттерсон, если верить бейджику. – Этим мы и занимались. Кроме того, откуда нам знать, какие татуировки должны быть у нее на теле, а каких там быть не должно? В анамнезе она упомянута…

Пока она листает папку, Джеки поворачивается к Наоми.

– Я боялась ее трогать, – говорит она. – Боялась ей навредить, даже за руку не брала. Если бы не ты, Ред, мы бы так и не узнали.

Странно слышать от нее такое. Джеки вообще в последнее время сама не своя, а тут еще на теле у ее дочери обнаруживают какую-то загадочную отметину.

– Макс, как ты думаешь, нужно оповестить полицию? Наоми же ненавидела татуировки, говорила, что это пошлость. Наша девочка не стала бы…

– Ну не знаю… – Макс поглаживает ей спину. – Может, мы не так уж хорошо ее знаем. Дети вечно выкидывают что-нибудь неожиданное. Я позвоню им, родная, я им расскажу.

– Это все неспроста, – говорит Джеки вполголоса, и Эш немного меняется в лице. Она тоже так думает.

И все же Макс прав. Мои родители вон ничего обо мне не знают, ничего по-настоящему важного. А вдруг Най все достало, и она решила: ну его на хер? Вдруг она надралась, обкурилась и сделала тату? Вдруг она так себя возненавидела, что ей захотелось броситься с моста? Или, может, она просто упала.

Вот только…

– А что насчет синяков? – спрашиваю я. – Тех, что у нее на запястье.

– Вероятно, ушибы она получила в реке, – отвечает доктор Паттерсон, взглянув на дверь. Ей, по ходу, не терпится поскорее смыться. – Ее изрядно побило, она ударилась головой…

– Да нет же, – я осторожно поднимаю руку Наоми, – вот здесь. Эти синяки похожи на следы от пальцев. Ее руку как будто сжимали, притом с большой силой.

Джеки ахает и зажимает рот руками.

– Постарайтесь не расстраивать попусту родственников больной, – говорит докторша, изучая руку Наоми. – Невозможно определить, что стало причиной ушибов. У Наоми все тело в синяках. – Она выпрямляется и снова берет ситуацию под контроль. – Наоми находится в тяжелом состоянии, и мы всё еще не знаем, какие последствия будут иметь ее травмы. Нам нужно время, а ей – тишина и покой. Вам всем лучше поехать домой. Приходите завтра. Возможно, к завтрашнему дню у нас появятся новые сведения.

Я ловлю на себе взгляд Эш. Ее темные глаза гневно сверкают, и я прекрасно понимаю, что она сейчас чувствует. Люди, которые не знают Най, готовы думать о ней только плохое. Для них она никто, потасканная девица, которая так и напрашивалась на неприятности. Они не знают милую, смешную, талантливую Наоми, которую знаем мы, они отказываются видеть ее такой.

– Я хочу остаться с ней, – говорит Джеки тихим голосом, в котором читается предостережение.

– Хотите – оставайтесь, никто вам не запрещает, – говорит доктор Паттерсон. – Но ей ввели большую дозу седативных препаратов. Она даже не знает, что вы здесь. Вам нужен перерыв. Возвращайтесь отдохнувшими.

– Отдохнувшими? – изумленно усмехается Роуз.

– Нам лучше уйти. – Макс обнимает Джеки за плечи. – Пойдемте, ребята, у нас еще ужин впереди.

Снаружи нас ждет Лео.

– Ну? – говорит он. – Что сказала врачиха?

– Она думает, татуировка не имеет никакого отношения к тому, что произошло, – говорит Роуз. – Все они видят в Най трудного подростка с больной психикой, для которого сбежать из дома, набить татуху и прыгнуть с моста – в порядке вещей. Если бы они удосужились посмотреть фактам в глаза, стало бы ясно, что не все так просто. Но их не переубедить.

– Они ошибаются, – бормочу я себе под нос. – Как же они ошибаются.

9

Мы ехали домой к Наоми с чувством, будто возвращаемся после долгой отлучки в родные края. И хотя мы знали, что самой Наоми там не будет, все равно на душе стало легче, ведь у нее дома каждому из нас было куда уютнее, чем в кругу собственной семьи. Джеки с Максом всегда радовались нашему приходу, кормили нас, разрешали торчать у них сколько угодно и даже оставаться с ночевкой. Дом их был безопасным, как крепость, но за его пределами у Най была несладкая жизнь. В школе ее травили, и пока не появилась группа, у нее не было другого способа отделаться от обидчиков, кроме как на время исчезнуть. Джеки с Максом пытались помочь, школа тоже принимала какие-то меры, но от этих уродов так легко не отделаешься. Бывали дни, говорила Най, когда сама мысль о школе была для нее невыносима, и тогда она убегала из дома, просто чтоб набраться сил, а спустя недельку-другую возвращалась. На вопрос о том, почему она не перешла в другую школу, Най ответила, что тогда победа осталась бы за теми, кто над ней издевался.

– Да, они вселяли в меня ужас, но я не дала бы себя сломить. – Она улыбнулась мне и продолжила: – А теперь вот вся школа у моих ног!

Мама Най готовит вкуснее всех наших мам, хотя дома у Лео, если хочешь дожить до семнадцати, об этом лучше не упоминать. Эш, Най и Джеки всегда готовили втроем – такая у них была традиция. Это трудно объяснить, но в их крохотной кухоньке всегда царила любовь. Воздух клубился звуками, запахами, вкусами и любовью. Джеки часто рассказывала нам историю своей жизни, каждый раз немного по-новому, но всегда интересно. Макс родом из Турции. Когда они встретились, он год как был вдовцом, работал в швейном ателье в Сохо и на пару с родственницей заботился о маленькой дочери, Ашире. Они познакомились в автобусе. Джеки была вся такая высокая – выше, чем он, – светленькая, громкая и неугомонная. Целую неделю они каждый день вместе сидели в автобусе, и Джеки без умолку болтала, а Макс слушал, улыбался и смеялся, а в пятницу пригласил ее на свидание. Спустя три месяца они поженились.

– Видите ли, не было совершенно никакого смысла ждать, – повторяла Джеки из раза в раз. – Мы знали, что созданы друг для друга.

После этих историй меня всегда мучил один и тот же вопрос: «Почему я не помню, как мои родители с нежностью в голосе рассказывали о своей первой встрече?» Как-то раз осенило: да потому что не рассказывали. Откуда в нашем респектабельном, традиционном, холодном и безрадостном доме взяться любви? У Демиров она никогда не иссякает, как вода в трубах, а у нас ее и под микроскопом не разглядишь, и верят в нее разве что шестилетние дети.

Раньше мы часто проводили вечера у Демиров за кухонным столом. Роуз и Лео трепались о всякой ерунде, а Наоми помогала маме. Мне нравилось наблюдать, как Най и Джеки встречаются взглядами, когда разговаривают или передают друг другу тарелки: в их глазах читались забота и взаимопонимание. Смотреть на них было все равно что прижиматься носом к витрине кондитерской, где красуются недосягаемые лакомства. Как же мне в такие моменты недоставало маминых объятий! Знаю, в моем возрасте стыдно мечтать о всяких телячьих нежностях, но я ж никому и не рассказываю.

В общем, мне хотелось снова попасть в их тесную, наполненную любовью кухню. И ровно до той поры, пока мы не очутились у крыльца, мне казалось, что все будет нормально. Дом у них современный, с обеих сторон стенами приросший к двум другим таким же домам. Он при-

надлежит местному совету и находится на полпути между моим домом и микрорайоном муниципальной застройки, где живет Лео. Ухоженный, вполне себе приличный домик – конечно, куда скромнее, чем гламурный особняк родителей Роуз или наш дом «с открытки», делящий стенку со своим близнецом. И вот, когда мы остановились у крыльца ее дома, оказавшись под темными окнами ее комнаты, до меня наконец дошло: та сломанная, искалеченная девушка, которая находится сейчас в больнице, и моя подруга Наоми – один и тот же человек, и от этого никуда не убежишь.

Мы выходим из машины; никто не произносит ни слова.

Джеки с Максом идут впереди. Он обнимает ее, она положила голову ему на плечо и вцепилась руками ему в рубашку. Следом за ними бредет Эш. Меня охватывает непреодолимое желание схватиться за кого-нибудь, кто меня любит, и не отпускать. Я протягиваю руку Роуз, но, ничего не замечая, она продолжает идти вперед. Один за другим я сжимаю пальцы в кулак.

– Не знаю, выдержу ли я все это. – Лео первым озвучивает мысль, которая крутится у каждого из нас в голове. – Мне уже не по себе.

– Нельзя их подводить, – говорю я. – Они нас пригласили, они хотят побыть с нами. Мы нужны им.

– Я тебя понимаю, – мягко говорит Роуз, обращаясь к Лео. – Но мы и правда не можем их подвести. Пойдем, ради Най.

Роуз кладет руку ему на предплечье, и Лео придвигается к ней поближе, как будто их тянет друг к другу невидимая сила. Сердце у меня проваливается куда-то в желудок.

Мы открываем входную дверь. Внутри, на нижних ступеньках лестницы сидит Ашира, поникшая и ссутулившаяся. Так вот что значит выражение «придавило горе».

– Ты как, успокоилась? – спрашиваю я, когда Роуз и Лео проходят в кухню, откуда доносится запах турецких специй.

– Нет, – говорит она, глядя мне в глаза. – Я в бешенстве. А ты?

– Я тоже. – Кивком головы я указываю в сторону кухни: не хочу, чтоб кто-то услышал наш разговор. – Я начинаю думать, что Най втянули в какую-то серьезную историю. Она попала в беду, сама того не осознавая.

Эш встает, и ее губы оказываются всего в нескольких миллиметрах от моего уха.

– Я тоже так думаю, – шепчет она, а затем резко разворачивается и уходит.

– Господи, деточки, ну и денек выдался! – восклицает Джеки, как только мы переступаем порог тесной квадратной кухоньки, увешанной шкафчиками из темной сосны. Она прижимает к себе каждого из нас, и мы по очереди вдыхаем сладкий аромат ее духов. Я обхватываю ее руками так крепко, как только могу, и целую в соленую от слез щеку. Давно меня никто не обнимал. Звучит глупо, но иногда каждому нужно, чтоб его вот так вот обняли, стиснули лицо ладонями и поцеловали в лоб.

– Как же хорошо, что вы пришли! Мне иногда так вас не хватает. Никто не шумит, не болтает, не включает музыку на полную громкость. – Со слабой улыбкой, которая стоит ей неимоверных усилий, Джеки рассаживает нас за маленьким круглым столом, разливает по бокалам кока-колу и накладывает в тарелки домашнюю еду: шиш-кебаб, курицу, теплые питы, пахучий рис. Любимые блюда пробуждают аппетит, а вместе с ним воспоминания, светлые и приятные. Пока мы едим, Джеки ходит вокруг стола, касаясь ладонями наших щек и поглаживая нас по плечам. Макс почти не участвует в общей беседе. Грустно улыбаясь, он переводит взгляд от одного лица к другому, а в глазах у него стоят слезы. Эш молча сидит за столом перед тарелкой с нетронутой едой. Ее голова опущена, а волосы цвета ночного неба занавесом заслоняют лицо. Можно подумать, того разговора в прихожей и вовсе не было. Мне не терпится возоб-

новить наше обсуждение, но у нее такой неприступный вид, что как-то не хочется проявлять инициативу.

Тарелки пустеют, темы для разговора заканчиваются. Наконец за столом воцаряется тишина, и все, что мы недосказали, с тех пор как вышли из больницы, повисает большой серой тучей у нас над головами.

Смущенно откашлявшись, Лео отодвигает свой стул, но тут Джеки прерывает молчание:

– Насчет того, что сказал Макс… что мы не так уж хорошо ее знаем… Мне казалось, я знаю о ней все, каждую мелочь, но за несколько недель до исчезновения она и правда очень изменилась: перестала ярко краситься, носить парики. Она стала выглядеть… как все. А какой она стала радостной, какой ласковой! Но вы ее, наверное, знаете лучше, чем я. Почему, по-вашему, она сбежала из дома? Неужели ей было настолько плохо, что она… она…

Я закрываю глаза в поисках ответа, который бы ее утешил.

– Если бы мы что-нибудь об этом знали, мы бы вам рассказали, – говорит Роуз, прежде чем я успеваю собраться с мыслями. – Если Най что и планировала, то об этом не знал никто, даже Ред.

Я встречаюсь с Джеки взглядом.

– Най терпеть не могла татуировки, – говорю. – Ей нравилась учеба, нравилось играть в группе. Она сбежала не потому, что якобы была в депрессии. Тут в другом дело. С ней что-то случилось, но что – не знаю. Вот очнется, и сама нам расскажет.

– Вот только… – говорит Эш резко, – вот только неизвестно, очнется ли она вообще, а если даже очнется, не факт, что у нее будет нормально работать голова. Может быть, мы вообще никогда не узнаем, что с ней произошло.

– Надо надеяться на лучшее, Эш, – говорит Джеки. – Надо мыслить позитивно, моя хорошая, и…

– Ну да, только силой мысли пробитую голову не вылечишь! – чуть ли не кричит Эш, вставая из-за стола так порывисто, что стул опрокидывается и с грохотом падает на кафельный пол. В следующий момент она скрывается за дверью, и с лестницы доносится быстрый перестук шагов.

Макс берет Джеки за руку и прикладывает ее ладонь к своей щеке. Она отворачивается от нас, а мы продолжаем сидеть за столом, как зрители варьете. Невольные свидетели чужого горя.

– Ну, нам пора, – говорит Лео. – Мне домой надо. Семейные дела.

– Но завтра после уроков мы сразу же зайдем в больницу, – говорю я.

– Ага, вот только освободимся, – добавляет Роуз, не глядя в мою сторону.

– И концерт состоится, как планировалось, – продолжаю я. – Столько народу придет! Многие захотели поддержать Наоми и всю вашу семью.

– Спасибо, Ред, – улыбается Джеки. – Ребята, можно вас кое о чем попросить?

– Конечно, – говорю.

– Зайдите к ней в комнату, выберите какие-нибудь фотографии, плакаты, которые ей особенно нравятся. Знаю, сейчас она не понимает, что происходит вокруг. По крайней мере, так утверждает врач. В любом случае я хочу, чтобы она проснулась среди привычных вещей, – так она будет знать, что находится в безопасности. Выудите оттуда пару вещиц, а завтра украсим ими палату, хорошо?

– Да без проблем, – говорит Лео, хотя, по правде говоря, мы предпочли бы сквозь землю провалиться, чем идти выбирать плакаты, которые нашей подруге-коматознице все равно не увидеть.

В комнате Наоми всегда был порядок. Маленькая такая комнатка, места едва хватает для узкой кровати и шкафа с одеждой, по стенам расклеены анимешные плакаты, а на крючках, которые Макс прибил над кроватью, висят разноцветные парики. На прикроватной тумбочке просто до фига косметики – мне столько еще нигде не приходилось видеть, а цвета такие яркие

и так сильно напоминают о ней, что кажется, будто и сама она где-то тут, среди груды кисточек, коробочек и накладных ресниц, и если б нам только дали инструкцию, мы бы смогли ее собрать.

Мы садимся на кровать, Роуз посередине, касаясь меня бедром.

Она расстегивает рюкзак, выуживает оттуда бутылку вина, откручивает крышку и надолго припадает губами к горлышку.

– Откуда бухло? – спрашиваю я.

– У меня связи, – ухмыляется она, передавая мне бутылку. Я протягиваю ее Лео.

– Блин, Ред, ну не будь ты такой жопой! – говорит она гневно. Такая уж она есть, Роуз. Настоящие чувства прячет за лезвиями и шипами, несносная, неуязвимая в своей пуленепробиваемой броне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.